

1922 год

ХРОНИКА ПЕТРОГРАДСКОЙ ГОЛГОФЫ

СОДЕРЖАНИЕ

I. Монах, ректор, Митрополит.....	1
II. Арест.....	4
III. Начало процесса.....	7
IV. Допрос Митрополита.....	9
V. Допросы. Сотрудники и соученики Митрополита.....	11
VI. Допросы продолжаются. Свидетели.....	14
VII. Обвинение и «защита».....	16
VIII. Последнее слово Митрополита.....	19
IX. Приговор.....	20
X. После приговора.....	22
XI. Страдалец до Голгофы.....	26
XII. Письмо.....	28

К 100-летию мученической кончины
13 августа 1922 года

К 150-летию со дня рождения
17(29) апреля 1873 года

Митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

Нименский погост

Студент Василий Казанский

I. Монах, ректор, Митрополит

Петроградский митрополит Вениамин — ярчайшая звезда в сонме новомучеников Русской Церкви. Его служение и духовный подвиг — один из самых благородных примеров живой, истинной веры.

Василий Павлович Казанский родился 29 апреля (по н. ст.) 1873 года в Нименском погосте (ныне деревня Андреевская) Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Он старший сын подвижника благочестия Олонецкой епархии протоиерея Павла Казанского.

В детстве и отрочестве, по свидетельству самого владыки, его чуткое сердце восхищалось героизмом святых мучеников. Он жалел, что «времена не те, и не приходится переживать, что они переживали». Это желание пострадать за Христа начало прорастать как благое семя в стенах Санкт-Петербургской Духовной Академии, куда он поступил как один из лучших студентов по окончании Олонецкой семинарии. Здесь, в Петербурге, под руководством протоиерея — проповедника Философа Орнатского он стал трудиться увлеченно, самоотверженно в Обществе распространения духовно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви; разъяснять простому народу глубину и красоту православной веры. Простые горожане, обитатели ночлежных домов, жители рабочих окраин почувствовали его нелицемерную любовь и ответили ему той же любовью.

14 октября 1895 года в храме Духовной Академии при многочисленном стечении молящихся Василий был пострижен в монашество с именем Вениамин. Затем рукоположен во иеродиакона, а в мае 1896 года — во иеромонаха.

По окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии отец Вениамин назначен преподавателем в Рижскую духовную семинарию, через год — инспектором Холмской духовной семинарии (ныне Польша), а еще через год иеромонах Вениамин

возвращается в Санкт-Петербург на должность инспектора столичной семинарии.

Здесь он вновь без усталости ведет беседы с рабочими на заводах и фабриках, принимает участие в изданиях православных журналов. Его старшие наставники в начале преподавательской деятельности отзывались о нем как о скромном, кротком и *отзывчивом на все доброе*. Дело же он вел *крепкой рукой*. О принципах своего педагогического служения сам отец Вениамин писал так: «Одна была у меня цель, одна путеводная звезда: благо воспитанников. Мои старания направлялись к тому, чтобы *не дать им как-нибудь камней под видом хлеба...*»

В феврале 1902 года по возведении в сан архимандрита и назначении ректором Самарской духовной семинарии он покидает Санкт-Петербург, сразу отправляется к месту нового служения. В Самаре архимандрит Вениамин закладывает новый семинарский храм. Большой популярностью у студентов и у ищущего правду народа стали пользоваться его собеседования с сектантами. Особое же значение архимандрит Вениамин придавал путешествиям воспитанников к историческим и святым местам, организовывал их каждый год. Начало Русско-японской войны, как и у всякого христианина, вызвали у нашего будущего святителя тяжелые чувства. Вот его слова: «Поистине великое бедствие война. Но мы, русские, ее не желали... мы по апостолу, стараемся, если возможно с нашей стороны, быть в мире со всеми людьми (Рим 12,18). *Но эта возможность у нас отнята*».

Летом 1904 года состоялась последняя его поездка с воспитанниками, причем исключительно на его личные средства. Поездка эта была в Саров. Вместе с ним в путь отправились 3 преподавателя и 15 студентов. Из Понетаевского монастыря в Саров паломники, включая и ректора, обув лапти, отправились пешком.

Иеромонах Василий (Казанский)

Поместный собор 1917-1918 гг.

Разрушения в келии Чудова монастыря после обстрела Кремля

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, 1917 год

Ночевали все вместе в попутных сельских школах прямо на полу. Одет ректор был в простой подрясник. Крестьяне и монахи Дивеевского монастыря, встретив паломников, недоуменно вопрошали: когда же отец архимандрит придут?

Мятежное время брало свое. В учебных заведениях нарастали беспорядки. Архимандрит Вениамин в октябре 1905 года назначен ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии. Он вновь возвращается служить в Санкт-Петербург, с тем *чтобы остаться здесь навсегда*.

Между тем забастовки 1905–1906 гг. парализовали деятельность большинства семинарий в стране; кризис духовного образования был глубоким.

Архимандрит Вениамин обращается к лучшим сторонам души своих питомцев, понимая, что дух человеческий нельзя сковать уставами, убаюкать сновидными лекциями. Истинный аскет по призванию, он не был монахом напоказ. Он давал молодым сердцам то, в чем они нуждались, — сочувствие и отеческую ласку. Его отношение к семинаристам дышало искренностью и одновременно непоколебимой *твердостью убеждений*.

«Мы не знаем, что ждет нас впереди: будущее закрыто непроницаемой завесой, ...но путь, по которому нам надлежит идти, ясно определен... Поэтому тот, в ком есть голос совести, пусть твердо решит сейчас же: оставаться ли ему с нами или уйти, чтобы не навредить ни нам, ни себе...» — обратился ректор к мятущимся воспитанникам. Такая кристаллизованная честность открывала сердца людей и тогда, в годы первых искушений русского народа, и в будущем...

В декабре 1909 года освобождается кафедра Гдовского епископа. Император останавливает свой выбор на кандидатуре архимандрита Вениамина.

24 января 1910 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры он хиротонисан во епископа Гдовского, четвертого викария. В эти годы он, руководитель школьного дела, особое значение

2

Потому святитель Вениамин, стремясь утешить и укрепить свою паству, несколько раз испрашивает на Соборе отпуск для приезда в Петроград.

Так, 19 октября (1 ноября по н. ст.) 1917 года он возглавляет служение в Иоанновском монастыре. В этот день Ангела Святого Праведного Иоанна Кронштадтского у могилы батюшки побывали более трех тысяч паломников. А 4 ноября митрополит вместе с горячо любящей его паствой молится перед чудотворной Казанской иконой в Казанском соборе. Здесь народ сердечными очами видит, что их архипастырь, предчувствуя приближение страшных испытаний, все упование возлагает на Матерь Божию. Владыка возвращается в Москву. Там вместе с другими участниками Собора живет в келиях Чудова монастыря. Большевики, легко победив в Петрограде, приступили к захвату власти в Москве. Кремль расстреливали 3 дня и 4 ночи. По свидетельству самого Святителя: он «вышел из своей комнаты за несколько минут до того, как стену пробиты 2 снаряда тяжелой артиллерии...». Это чудо в Чудовом монастыре ясно показало чадам Божиим, что их Святитель Богом храним. Сам Владыка о своих переживаниях в дни осады Кремля рассказывал так: «...я пришел на собрание членов Собора и слышу там речи. Теперь не время речей. Ведь пережиты ужасы. Мы не знаем истинного положения дела, его исторической стороны: кто больше виноват, а кто меньше, нам неизвестно. Не надо нам вспоминать бывшее, искать виновников происходящих событий... Теперь не время слов и речей, а время — молиться и плакать».

Так, наш Святитель не берется ни осуждать, ни обсуждать. В его расширенном сердце по дару Духа Святого обитает любовь *ко всему мятущемуся* народу. Вот воспоминание о митрополите Вениамине современника; замечательно глубокий портрет:

«Трудно в простых и ясных словах достаточно сильно передать, что за человек был митрополит Вениамин. Простое, кроткое лицо, тихий свет прекрасных голубых глаз, тихий голос, светлая улыбка,

придает борьбе с пьянством. Организует трезвеннические крестные ходы. Как Гдовский епископ много служит в Покровском храме на Боровой, открывает здесь кружок проповедников, часто ведет беседы. В 1913 году вводит в практику службу «погребения Богоматери». Епископ Вениамин был первым из викариев, кто посетил *все* приходы викариатства, даже самые удаленные. Особая его забота и заслуга — паломнические крестные ходы и крестные ходы трезвенников.

Тяжелое бремя управления Петроградской епархией легло на плечи владыки Вениамина весной 1917 года. Русский народ, лишившись и Помазанника Царя, и главы столичной епархии (митрополит Питирим Окнов был уволен Временным правительством), вступил в полосу небывалых испытаний. Всеми силами стремится епископ Вениамин поддержать чад Церкви Христовой. В те тревожные дни он ничего не боится, всецело уповая на Бога.

И мужество побеждает; народ укрепляется в вере. В Троицын день 1917 года (21 мая; 3 июня по н. ст.) он организует всенародное моление. К Исаакиевскому кафедральному собору стекаются крестные ходы от всех церквей. Молебен совершается с трех сторон. Сам владыка служит с восточной стороны. Молящихся — до 300 тысяч человек!

Через три дня в Казанском соборе состоялись выборы Петроградского архипастыря. Епископ Вениамин получил 976 голосов из 1500. Так он стал архиепископом, а с 13 (26) августа 1917 года митрополитом Петроградским и Гдовским.

В высоком сане митрополита он приступил к участию в работе Поместного Собора в Москве. Председателем собора был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон — будущий Патриарх. Здесь, на Соборе, окрепла их дружба, слились их труды, направленные на сохранение жизни Церкви в новых условиях ее бытия. Первая сессия Собора продолжалась четыре месяца. Это был один из самых сложных периодов в истории Российского государства.

все освещавшая, *полная таинственного веселия* и вместе — постоянной грусти. Весь его облик так действовал на душу, что невозможно было сопротивляться его обаянию. Митрополит обладал выразительной, редкостной, абсолютной аполитичностью. Это не значило, что его не трогало все совершающееся кругом. Он беззаветно любил Родину, свой народ; но это не колебало его аполитичности. Все слабы, все грешны; большевики, совершающие так много зла, еще более слабы и грешны, их следует особенно пожалеть — так можно выразить основное настроение Владыки».

В новых внешних условиях Божественная благодать помогала будущему Священномученику возрождать в Петрограде церковную жизнь. Настоящим «золотым фондом» будущей гонимой Церкви стало Александро-Невское Братство. Оно было создано митрополитом Вениамином с той целью, чтобы каждый входящий в Братство — в живую церковную общину чувствовал, что предназначен к получению Небесного Царства. Возглавляли братство три друга — иеромонаха — Иннокентий Тихонов и братья Егоровы — Гурий и Лев. Владыка привлекает их к служению в своей Крестовой церкви Успения, вмещавшей до 1000 человек. Теперь уже не молодые иеромонахи-проповедники «шли в народ, а народ приходил к ним». Раньше в ней могли бывать только высокопоставленные особы, а теперь прихожанами становятся и рабочие, и ломовые извозчики, и университетские профессора. Богослужения стали совершаться ежедневно и почти всегда при участии митрополита. Пели, читали, прислуживали все желающие, как взрослые, так и дети. Так образовалась «семья Успенская» — Александро-Невское Братство.

Владыка Вениамин стремился привлечь в ряды духовенства и в Братство как можно больше светских образованных молодых людей — он предвидел будущие трудности.

В стране и Петрограде нарастают злодеяния, умножаются беззакония. Убиты Иоанн Кочуров и Петр Скипетров, в Киеве — митрополит Владимир, многие

3

Иеромонахи Иннокентий(Тихонов) Гурий и Лев (Егоровы)

Патриарх Тихон и митрополит Вениамин в Митрополичьих покоях Александро-Невской лавры, 1918 год

Декрет об изъятии церковных ценностей

Митрополит Вениамин в рабочем кабинете

священники арестованы, предпринято несколько попыток захватить Лавру. Декрет «Об отделении церкви от государства...» Собор оценил как начало гонения на Церковь. Патриарх Тихон в своем послании обличает действия богоборцев, призывает верных чад Церкви встать на ее защиту.

Митрополит Вениамин всеми силами старается и утешить свою паству, и выволить арестованных, а главное, сохранить в чадах Христову веру: «В переживаемые дни Родина наша, некогда Русь Святая, православная, превратилась в пещеру погребальную, — писал он. — И наполнена эта пещера телами людей, которые ходят, действуют, много говорят, но которые духовно мертвы...»

Православный Петроград еще ближе к своему архипастырю. Небывалые никогда раньше по многолюдности крестные ходы поражали современников: «Это было нечто грандиознейшее, совсем необычное. Те десятки, сотни крестных ходов, какие пришлось мне видеть в течение долгой моей жизни в столице, не могут идти в сравнение с крестным шествием православного народа в воскресенье 21 января (1918 г.) — единственным в своем роде, воистину исключительным». Это грандиозное событие в жизни Петрограда, захватившее, по свидетельству А. А. Бронзова, профессора Духовной Академии, до полумиллиона человек, стало ответом на попытку захвата Лавры и расправу с духовенством. Оно показало, что православный Петроград горячо любит своего архипастыря и сохраняет веру Христову. Пасхальные торжества в 1918 году также сопровождалось грандиозным крестным ходом. Его «открывали отроки и мужи, несшие фонари и кресты, за ними следовал митрополит с епископами».

II. Арест

В первые месяцы 1922 года начинается путь Святого Петроградского Митрополита на Голгофу. События развивались так: в 1921 году в результате засухи почти 20 млн человек в 16 губерниях

Большим утешением для паствы стал 5-дневный визит Святейшего Патриарха Тихона в июне 1918 года. На площади перед Александро-Невской Лаврой его встречает Митрополит с епископами и множеством народа.

Патриарх служит в Лавре, в Исаакиевском и Казанском соборах. Посещает Кронштадт; квартиру батюшки Иоанна Кронштадтского, Исидоровское училище. Всюду к нему обращены тысячи лиц, на них и умиление, и слезы.

Как промыслителен этот единственный приезд Святейшего Патриарха в Петроград накануне будущих испытаний Церкви! «Нельзя не заметить увядания этого града, — печалится Святейший Владыка и сравнивает Петроград с Иовом многострадальным, — ...но была бы только крепка вера православная, только бы ее не утратил русский народ. Все возвратится ему, все будет у него, и восстанет он, как Иов с гноища своего».

Так, невзирая на все внешние беззакония и нестроения, на *небывалую высоту* христианской жизни поднял свою паству священномученик Вениамин. Свидетельница этого духовного подъема в Петрограде вспоминала: «В 20-м и 21-м годах, несмотря на тяжелые условия голодного и холодного существования (очень плохо было с топливом) и всякое неустройство во всех областях хозяйства города и страны, верующие находили великую поддержку в Церкви, в церковных службах, крестных ходах, ночных молениях, беседах. Особенно молодежь горела духом... Ничего еще не было запрещено и, казалось, ничего не предвещало скорбей 22-го года».

оказались на грани вымирания от голода. Церковь сразу включается в работу сбора средств голодающим, Патриарх создает церковный комитет. Но его запрещают, а уже собранные средства передают

государству и образуют государственный Комитет помощи голодающим — ПомГол.

23 февраля

ВЦИК издает Декрет об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим.

5 марта

Митрополит Вениамин направляет письмо в Петроградский ПомГол (оно обнародуется) об условиях передачи ценностей — все прочие средства должны быть исчерпаны, и верующие должны быть уверены, что ценности достигнут цели. Так Митрополит зовет свою паству на осознанную жертву, отвергая принудительное изъятие.

6 марта

Митрополита вызывают в Смольный. Его сопровождает юрист Лавры Иоанн Ковшаров. Митрополит объясняет комитету недопустимость насилия над чувствами верующих, ссылаясь на безобразия в консерваторской церкви (критик — композитор с мировым именем Сергей Ляпунов станет одним из подсудимых на Петроградском процессе). Владыка объясняет позицию верующих: «...нас просят — мы даем. Мы, все верующие, соберемся, пойдем в Казанский собор, помолимся вместе, потом я сам, своими руками сниму ризу с иконы Божией Матери и отдам, пусть это будет характер жертвы». Этот душевный подъем Митрополита производит на богоборцев в Смольном гнетущее впечатление. Не верить в его искренность невозможно, но именно добровольной жертвы они не хотят. Митрополит разъясняет в эти дни и своим соратникам, что добивается со стороны Церкви активного участия в помощи голодающим, а не контроля и гарантий. Но некоторые из них, как, например, опытный юрист Юрий Новицкий, начинают понимать, что никаких переговоров не будет, что Петроградский митрополит Вениамин уже определен жертвой.

Многое становится понятно по прочтении записки Льва Троцкого в Политбюро: «12 марта 1922 совершенно секретно. Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди

духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей...»

14 марта

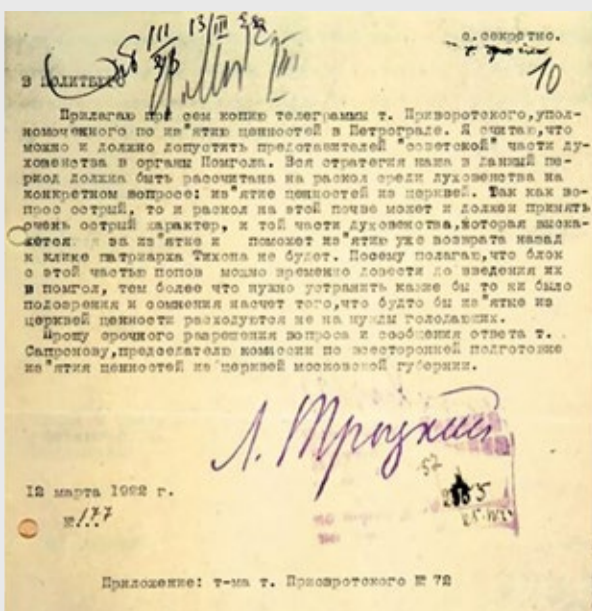
Митрополит направляет очередное письмо в Смольный (его доставляют Ю. Новицкий и Н. Егоров), в котором по-прежнему настаивает на активном участии Церкви в помощи голодающим. «Мои представители уполномочены работать только по изъятию Церковных Ценностей». Комиссия выражает неудовольствие. Против Митрополита развязывают клеветническую кампанию в прессе.

19 марта

Москва — члены политбюро получают «знаменитое» письмо Ленина: «...именно данный момент представляет собой не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля (Русскую Церковь. — Прим. сост.) наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий... Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только товарищ Калинин — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати ни иным образом перед публикой тов. Троцкий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Организаторам кампании ясно, что исход дела в Петрограде будет иметь огромное политическое значение, одновременно возможно устранение нестигаемого Петроградского Митрополита. План Троцкого по расколу духовенства активизируется.

22 марта

Опубликовано «Письмо 12-ти», автор — священник-обновленец Александр Введенский. Вожди обновленчества обвиняют петроградское духовенство во главе с митрополитом Вениамином в злонамеренном сопротивлении изъятию. Митрополит по-отечески выговаривает самочинным священникам. Он все

Директива Л.Троцкого

Протоиерей-обновленец Александр Введенский

Арестованных митрополита Вениамина и епископа Венедикта сажают в машину

Здание Петроградской филармонии

Подсудимые в большом зале филармонии

еще надеется, что Введенским движет христианский долг, и предлагает ему быть посредником в переговорах в Смольном.

10 апреля

Владыка обращается к своей пастве: «...если гражданская власть ввиду огромных размеров народного бедствия сочтет необходимым приступить к изъятию и прочих Церковных Ценностей, в том числе и святынь, я и тогда убедительно призываю пастырей и паству отнестись по-христиански... Со стороны верующих совершенно недопустимо проявление насилия... Церковь должна быть чужда политики».

В самый день публикации обращения начинается активное изъятие ценностей из петроградских храмов. В отдельных случаях происходят стычки с верующими. Везде приблизительно одно и то же: толпа прихожан из женщин и детей у храма, выкрики, проклятия похитителям, иногда — удар в набат и 2–3 брошенных камня. Так митрополит Вениамин добивается невозможного — Петроград избегает крупного кровопролития. Об этом говорит и ПетроСовет в официальной сводке: «изъятие повсеместно протекало нормально и без серьезных недоразумений».

Все это время ГПУ ведет подготовку к большому публичному процессу. Подобные процессы со смертными приговорами проходят в Шуе и в Москве (апрель–май). В Петрограде удается набрать сведений об 11 столкновениях (убитых нет), хотя комиссия по изъятию не менее 1000 раз является в 300 петроградских храмов.

В соответствии с планом Троцкого продолжается организация церковного раскола и смещения Патриарха Тихона. В середине мая обновленцы во главе с Введенским дважды являются к Святейшему Патриарху и вынуждают его «временно» передать власть, ввиду того что сам Патриарх привлечен к суду. Патриарх Тихон называет кандидатов в свои заместители — митрополит Ярославский Агафангел и митрополит Петроградский Вениамин.

6

себя в положение отпавших от общения со Святой Церковью, доколе не принесут покаяния». Это был сокрушительный удар — послание ломало все планы раскольников и их покровителей! Митрополит был обречен!

Влияние Владыки на любящую его паству было очень велико, а доверие к нему безмерно. Поэтому раскольники предпринимают последнюю попытку.

29 мая

Митрополит молится на Никольском кладбище Лавры, когда келейник сообщает ему, что в канцелярии начался обыск. Митрополит направляется в канцелярию, там сотрудники ГПУ уже роются в его бумагах, встречает здесь и Введенского. «Петербургское предание» гласит, что Введенский подошел к Владыке взять благословение — Митрополит жестом останавливает его и говорит: «Отец

III. Начало процесса

10 июня 1922 г.

«Спаси Господи люди твоя...» — запела многотысячная толпа, окружившая здание филармонии, когда привезли Митрополита и начался процесс...

Невский усеян народом, а от Гостиного двора люди стоят сплошной толпой. Как утверждает очевидец: стоят с утра. Владыку высаживают из «черного ворона», и толпа закидывает его цветами. Он благословляет всех собравшихся. К середине процесса ему запрещено благословлять, и он лишь крестится сам, смотрит на людей и слегка кланяется им.

Процесс сразу называют «Процессом над митрополитом Вениамином», в дальнейшем — «Петроградским процессом». Он организован как публичный показательный суд. Производится с некоторым подобием правосудия.

Приглашены фотографы и журналисты.

В первый день процесса за несколько минут до выхода членов трибунала в зал конвой вводит

Первого заключают в Ярославле под домашний арест, а митрополиту Вениамину

18 мая

Предъявлено обвинение в противлении изъятию и взята расписка о невыезде. Введенский со своей группой в этот день в Москве заявляют Патриарху о получении у властей разрешения на «открытие канцелярии» и лукаво испрашивают благословения Святейшего принять и передать дела заместителю. В прессе этот визит обновленцев представлен как «отречение Патриарха». В Петроград Введенский уже возвращается с удостоверением члена ВЦУ по делам Петрограда «согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона» (которой на документе, разумеется, нет).

Таким образом, 1-й этап по устранению главных иерархов Церкви почти завершен.

26 мая

По возвращении в Петроград Введенский предъявляет митрополиту Вениамину мандат ВЦУ.

— А почему здесь нет подписи Святейшего Патриарха?

— Зато ВЦУ есть...

После такого ответа Митрополит молча поднялся и попрощался. Он все понял. Почувствовал всю меру своей архиерейской ответственности — ему выпало стать непреодолимой преградой на пути богоборцев, раскольников, похитителей высшей церковной власти.

28 мая

Митрополит служит в Никольском соборе (по некоторым сведениями — в Исакиевском). После Евангелия он говорит краткое слово о единстве Церкви. По воспоминаниям современников, которые имели возможность присутствовать в этот день в алтаре, это было как прощание, невольно по духу напоминавшее апостольское чтение того дня. Затем Владыка зачитывает свое послание к пастве, в котором объясняет попытку самозахвата Церковного управления группой обновленцев. «Священники Введенский, Красницкий и Белков поставили

Александр, мы же с Вами не в Гефсиманском саду»... Владыке предъявляют ультиматум — отмена постановления о запрете Введенского и остальных или судебный процесс и гибель. Митрополит отвечает отказом. Тогда ему объявляют, что он находится под домашним арестом.

1 июня

в Петроград поступает срочная телеграмма: «Митрополита Вениамина арестовать и привлечь к суду, подобрав на него обвинительный материал... арестовать его ближайших помощников-реакционеров... Вениамин отрешается от сана и должности...»

Ночь с 1 на 2 июня

Петроградский Митрополит арестован и заключен в тюрьму на Шпалерной улице. Оттуда ему уже не суждено вернуться. Земной жизни митрополита Вениамина остается ровно 10 недель.

обвиняемых. К суду привлечены 86 человек. Возглавляет шествие подсудимых митрополит Вениамин в белом клобуке. Весь зал встает. Непроизвольная торжественность охватывает всех. Подсудимые, отделенные от публики конвоем, медленно идут к своим скамьям, отыскивая взглядом близких. Митрополит идет тихо, опираясь на свой посох. Неизменно спокойный, скупой на движения, Владыка занимает свое место — на левом краю скамьи четвертого ряда. Рядом с ним — секретарь правления православных приходов Н. А. Елачич, за ним — Иоанн Ковшаров, дальше профессор Юрий Новицкий и архимандрит Сергей Шеин. С первого дня, с первого «выхода» подсудимые, заняв места, уже не меняют их. Скамьи подсудимых возвышаются ярусами с правой стороны зала, слева — такие же скамьи для части публики. И если бы не конвой, трудно сказать, на какой стороне подсудимые. Комендант объявляет:

— Трибунал идет, прошу встать!

7

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский)

Подсудимые на Петроградском процессе, 5 июля 1922 года

Допрос митрополита Вениамина

Допрос митрополита Вениамина

Карловацкий собор — собрание русского зарубежного духовенства, 1921 г

На эстраде большого зала филармонии — стол с красным сукном, его занимает трибунал из четырех человек. Внизу — по бокам два стола для стенографисток и для печати. Рядом — двое часовых под ружьем. Посередине зала — небольшой столик, тоже под красным сукном. К нему вызывают подсудимых и свидетелей. Сзади — двое часовых. Слева — стол обвинения, справа — стол защиты. Вся остальная часть зала отведена для публики.

Порядок заседания таков: утренние с 12 часов до 3–4, затем двухчасовой перерыв и вечерние — до 10, иногда до полуночи. Вход — по билетам, выданным в Ревтрибунале в первые дни процесса. Верующие по большей части в зал не допущены и толпятся у здания. В дальнейшем — вход по партийным билетам и некоторым студенческим удостоверениям (в т.ч. Зиновьевского университета). Состав трибунала — из четырех человек, обвинения — из четырех человек.

К общественной защите допущены 14 адвокатов.

В перерывах родственники подсудимых толпятся около конвоя с передачами. Кулуары шумны и оживленны.

Публика обсуждает различные моменты судебного разбирательства осторожно, разбиваясь на группы. Преобладает осуждение «высшей церковности». Некоторые чувствуют себя «как дома», приходят с завтраками, просматривают свежие газеты. Одна дама почтенного возраста (говорят, что мать Коллонтай) в первом ряду вяжет чулки.

Что думают молчаливые одиночки?

О чем говорят, склонившись друг к другу?

Иначе ведет себя многолюдная толпа верующих у дверей филармонии в первые дни процесса. Лишенные доступа в зал, они чутко ловят обрывки сведений, которые приходят оттуда. Свободно делятся друг с другом мыслями. Понимают, что происходит преступление, открытое гонение на Церковь, на духовенство, на любимого ими Петроградского Митрополита.

Обвинительный акт зачитан 12 июня. В последующие дни к моменту вывода подсудимых квартал до Невского оцеплен конной стражей. Скопления народа на Михайловской площади больше не допускают. Арестованных выводят

IV. Допрос Митрополита

12 июня 1922 года

Зачитан обвинительный акт, занявший 70 страниц.

Каким образом создано обвинение против Митрополита и других?

Очень просто.

В распоряжении следователей несколько десятков эпизодов — событий, имевших место при изъятии ценностей в разное время и в разных петроградских храмах (первый «эпизод» в декабре 1920 г., то есть за полтора года до Декрета, в церкви Института глухонемых). Все эти отдельные производства «сшиты» в единое целое, и в переплетном смысле тоже. Между ними связь настолько слаба, что порой она исчезает вовсе. Все эпизоды объявлены результатом злонамерения со стороны «преступного общества», которое состоит из Митрополита и других лиц, главным образом членов правления Общества православных приходов.

Из выступления обвинителя: «Действия властей направлены не против религии, а против использующей религиозные предрассудки контрреволюционной организации. Вы спрашиваете, где мы усматриваем преступную организацию, да ведь она перед вами. Эта организация сама Православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, ее принципом подчинения низших духовных лиц высшим и с ее нескрываемыми контрреволюционными поползновениями».

Обвинение вменяет в «вину» Митрополиту то, что:

1. он вступил в переговоры с Советской властью с целью добиться смягчения или аннулирования Декрета об изъятии;

Вдруг в гуще народа появляется Введенский. Он как свидетель намерен пройти в зал суда. В его адрес слышны упреки и угрозы. Некая женщина бросает в него камень, попадает в голову. Введенский отвезен домой. Он не примет участия ни в одном заседании.

На следующий день возбуждение нарастает, район оцеплен караулом. Толпу арестовывают и под конвоем отвозят в тюрьму на Шпалерной, в дальнейшем многих отпускают.

Первый и часть второго дня суд посвящает утомительной для обвиняемых процедуре — проверке их наличия, чтению обвинительного заключения и опросу каждого, признает ли он себя виновным.

Обвинительный акт напечатан на 70 страницах. Заслушано письменное заявление Введенского о том, что он по болезни лишен возможности присутствовать на процессе.

Сначала Ревтрибунал привлек к делу 201 человека, но затем число участников судебного процесса было сокращено до 86, остальные отпущены. По мнению следствия, в Петрограде происходило организованное сопротивление изъятию церковных ценностей.

Всех подсудимых, от Митрополита до случайного прохожего у Владимирской церкви, объединяет один общий признак — противодействие изъятию. Поэтому в зале суда рядом со священниками и епископами — профессора, студенты, женщины, лица самых разнообразных профессий: композитор с мировым именем, чистильщик обуви, артист, рабочий и прочие.

Несколько человек преклонного возраста, группа молодежи 18 — 19 лет, несколько инвалидов.

В то время как главные действующие лица страшного спектакля с напряжением следят за процессом, второстепенные подсудимые относятся к нему по-разному, даже скучают.

По двум статьям нового Уголовного кодекса, предусматривающим высшую меру наказания, привлечены 17 человек: священники, монахи, профессора и митрополит Вениамин, конечно.

из боковых дверей филармонии, сажают в грузовики, человек по 20. Митрополита Вениамина и епископа Венедикта — в автомобиль. В сопровождении конной стражи автомобиль полным ходом мчится к тюрьме.

2. он при этом находился в сговоре со всемирной буржуазией;

3. средством возбуждения верующих он избрал распространение копий своих заявлений.

Абсурдность обвинения даже в его формуле: преступным называется факт вступления Митрополита в переговоры с властью. Переговоры, властью начатые и закончившиеся соглашением с ней.

Трибунал переходит к допросу подсудимых.

— Подсудимый гражданин Казанский, — вызывает председатель.

В зале сильное движение.

Владыка поднимается со своего места и размеренным шагом, опираясь одной рукой на посох, а другую прижав к груди, выходит на середину зала. На лице нет признаков ни волнения, ни смущения...

12 и 13 июня

Несколько часов обвинители и судьи осыпают его вопросами. Своим ясным голосом он дает короткие и исчерпывающие ответы.

Допрос ведется главным образом в трех направлениях:

1. об отношении Митрополита к постановлениям Карловацкого Собора;
2. об отношении Митрополита к декрету об изъятии церковных ценностей и
3. об упомянутых выше двух заявлениях Митрополита в ПомГол и Смольный.

По первому вопросу Митрополит отвечает, что постановления Карловацкого собора ему неизвестны ни официально, ни приватно. Об этих постановлениях

Протоиерей Николай Чуков

Обложка дневника протоиерея Николая Чукова

Допросы на Петроградском процессе

Подсудимые на Петроградском процессе, 5 июля 1922 г.

в процессе вообще говорилось очень много, едва ли не больше, чем о самом изъятии.

По второму вопросу Владыка заявляет, что он считал и считает необходимым отдать все церковные ценности для спасения голодающих. Он благословляет не кощунственный способ изъятия, а жертву.

Но центр тяжести обвинения Митрополита заключается в 3-м пункте. Путем разнообразных и коварных вопросов от него добиваются: кто автор или вдохновитель его заявлений?

Обвинительный материал даже формально не подготовлен. Стенограмма допроса Митрополита занимает 40 страниц. После полуторадневных допросов и судьи, и обвинители тянут время. Во время одного из таких бессмысленных, с точки зрения выяснения истины, допросов председатель с издевкой спрашивает Митрополита:

— Обвиняемый Казанский, может, вы себя чувствуете утомленным и не можете давать показания?

— Может быть, они скоро кончатся, — устало отвечает Митрополит.

Из дневника одного из подсудимых, протоиерея Николая Чукова (будущего Ленинградского митрополита Григория): «Целый день мучили допросами Митрополита... Допрос производили и суд, и обвинение, и защита. Приехавший из Москвы обвинитель вел себя настолько хулигански, так издевался, так был настроен разбойнически, что я удивлялся терпению Митрополита. Защитник в одном месте прервал его и указал на оскорбительность. После этого несколько тише стал. Во время перерыва, говорят, и суд, и защита указали ему, что то, что, может быть, возможно в Москве, не подходит в Петрограде, и после перерыва обвинение уже перешло к другим приемам: «будьте добры сказать», «вы изволили сказать» и т. п.»

А вот воспоминание представительницы публики из зала: «Сколько было грубости и надругательства!

Я раз не выдержала и крикнула со своего места: «Не издеваться!» — и... несколько голосов закричали со мной».

Так, в процессе утомительных допросов Митрополиту дают понять, что, назови он «редактора» или только отрекись от содержания — и будет спасен. Богоборцам необходимо уничтожить митрополита Вениамина морально.

Митрополит, расстрелянный за стойкость своих убеждений, — неудобно. Наоборот, Митрополит развенчанный, приведенный к повиновению, униженный — такой результат предпочтительней и для «живой церкви», и для ее покровителей.

Митрополит же решительно берет всю «вину» на себя.

Рассказывает очевидец: «Ужасные минуты! Шла страшная игра, где ставкой была жизнь. Был один момент, когда сердце перестало биться — председатель обратился к Владыке: «Призовите на помощь все силы ума, память о последствиях, отвечайте на последний и решительный вопрос — Вы ли писали?» Легкий и светлый голос Митрополита контрастом звучит в напряженной тишине: «Я несколько раз говорил вам, что я написал. Да я никому и не позволил бы вмешиваться в мои распоряжения в такую минуту». Здесь в голосе Митрополита звучит даже некоторый оттенок власти, — вообще ему совершенно несвойственный. После этого — для него лично все кончено. Участь определена. Всем присутствовавшим ясно видно величие души этого человека, который своей мантией закрывает товарищей по несчастью.

Митрополиту объявлено, что допрос окончен.

С тем же невозмутимым спокойствием, со светлой улыбкой на устах, среди вздохов и сдержанных рыданий в публике, митрополит Вениамин возвращается на свое место.

V. Допросы. Сотрудники и соученики Митрополита

Если качество предварительного следствия оставляет желать лучшего, то представительность выведенных на процесс подсудимых упреков не вызывает.

Епископ Кронштадтский Венедикт Плотников, настоятель Троицкого подворья архимандрит Сергей Шеин, 26 представителей духовенства и 60 мирян самого разного происхождения и образования; выходцы из Москвы и Петрограда, из Ростова и Баку, из Пскова и Харькова, из Ревеля и Старого Оскола и еще из 16 губерний на скамье подсудимых.

— Подсудимый Шеин!

— Я, уроженец Тульской губернии, сын чиновника, с высшим образованием, беспартийный, не судился.

— Подсудимый Новицкий!

— Я, уроженец города Умань Киевской губернии, беспартийный, с высшим образованием, профессор университета, не судился.

— Подсудимый Ковшаров!

— Я, мещанин города Одессы (Иван Михайлович, как и предыдущие подсудимые, не обнаруживает своего дворянского происхождения), с высшим образованием, не судился...

Кажется, вся несудимая Россия проходит перед угрюмыми лицами трибунала.

Вся Россия представлена в зале бывшего дворянского собрания бывшей столицы...

С 13 до 18 июня.

Допросы основных обвиняемых продолжаются.

Неизгладимое впечатление производит допрос архимандрита Сергея Шеина. Вспоминает протоиерей Николай Чуков: «Особенно обрадовались обвинители, когда заполучили такого зверя, как архимандрит Шеин — действительный статский советник, член Государственной Думы, член Поместного Собора, националист.

Обвинитель имел нахальство спросить, по внутренним ли искренним побуждениям он пошел в монахи? Отец Сергей выпрямляется во весь свой

высокий рост, осматривает его с ног до головы: «Вы, по-видимому, не понимаете оскорбительности Вашего вопроса...»

Звучным, решительным голосом отвечает он на многочисленные выпады. Не позволяет сбить себя с толку повторяющимися вопросами. Пресекает эти попытки, заявляя определенно: я уже ответил на этот вопрос, повторять ответы не желаю.

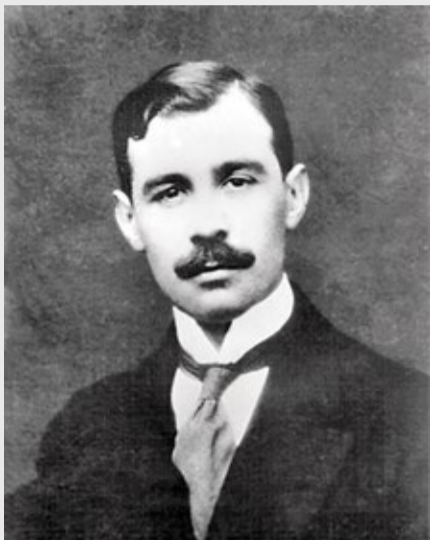
Архимандрит Сергей привлечен к делу в качестве одного из товарищей председателя Общества петроградских приходов. Он отрицает утверждение обвинения, что Правление занималось политикой. Лично себя отец Сергей объявляет совершенно солидарным с Митрополитом.

Архимандрит Сергей Шеин, в миру — тезка Владыки — Василий Павлович Шеин, старше его на 3 года, блестяще образован. Он послужил и Отечеству на высших государственных должностях, и Священному Собору 1917–1918 гг. как многоопытный муж. Василий Павлович был избран секретарем Собора и много потрудился на этом поприще. Особый вклад он внес в сохранение памяти новомучеников Русской Церкви. Им собраны подробные сведения и сделан обстоятельный доклад на Священном Соборе обо всех известных на тот момент случаях преследования и убийства духовенства. Он бесстрашно дает оценку злодействам богоборцев. Этого достаточно, чтобы в будущем быть приговоренным к смерти при ближайшем подходящем случае. 12 сентября 1920 года — приходит пора исполнения его давнего желания — он пострижен в монашество с именем Сергей.

Вскоре рукоположен в иеромонаха, возведен в сан архимандрита и в 1921 году назначен настоятелем Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке. На процессе, как и владыку Вениамина, его настойчиво бомбардируют вопросами о новой «живой церкви», противостоящей старой «контрреволюционной». Его ответ (из стенограммы):

В. П. Шейн, будущий архимандрит Сергей

Ю. П. Новицкий

И. М. Ковшаров

На заседании Поместного собора, первый слева секретарь В. П. Шейн

Александро-Невское братство, справа от митрополита юрист И. М. Ковшаров

— живую Церковь я знаю только одну, ту, о которой сказано: Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины.

14 июня

Начинается допрос председателя правления Общества православных приходов Юрия Петровича Новицкого, 39-летнего профессора Университета, юриста. Он одет в простую темную материи куртку, отвечает свободно и спокойно. Говорит ровным голосом. Юрий Петрович получил юридическое образование в Киевском университете; занимался уголовным правом, был экспертом в деле убийства Петра Столыпина, читал лекции, организовал в Киеве приют для детей каторжан; впервые в истории инициировал создание отдельного суда для малолетних. В Киеве он становится деятельным участником религиозно-философского общества. Православная вера дает смысл и украшает его высочайший профессионализм.

С 1914 года, получив приглашение столичного университета, переезжает в Петроград; преподает, организует научную библиотеку. Награжден орденом Святой Анны 3-й степени. По болезни дочери на год переезжает в Кострому, но и там принимает активное участие в организации просвещения. С 1920 года по возвращении в Петроград читает лекции в Университете, заведует курсами. Юрий Петрович Новицкий — у истоков образования Педагогического института в Петрограде.

В этот период его избирают председателем правления Общества православных приходов — чисто общественной организации, действующей в каноническом единстве с правящим архиереем. Общество — единственный разрешенный центр, объединяющий приходы, в него входят около 15 тысяч верующих. В условиях отделения Церкви от государства и упразднения епархиального совета деятельность всех отделов общества: пастырского, хозяйственного, певческого и других имеет важное значение в жизни православного Петрограда.

12

он готов без ропота встретить смерть, прося лишь о том, чтобы советская власть этим и ограничилась и пощадила остальных...

Наверное, ни над кем не издевались на суде обвинители так злобно, как над 44-летним адвокатом Иваном Михайловичем Ковшаровым. «Митрополитов курьер», «Митрополит и его присяжный поверенный по бракоразводным делам Ковшаров», — изощряются они.

— Я думаю, — кричит обвинитель, — что вы, Ковшаров, старый присяжный поверенный, старый адвокат с высшим образованием, неискренне и не веря пошли в церковь не для того, что бы курьером служить, а для того, чтобы здесь организовать, если вам не удалось в Думу пройти от народных социалистов, для того, чтобы здесь нагадить, чтобы здесь совершить преступление против рабоче-крестьянской власти!

Ну что же, действительно, Ковшаров — опытный адвокат, один из лучших в столице. С безупречной профессиональной и морально-нравственной репутацией. Действительно, у него университетское образование и звание кандидата права. И да, действительно, в молодости — социалистические взгляды. По мере же возрастания, профессионального и личностного, христианские взгляды перевешивают «детскую живость характера».

По переезде в Петербург Иван Михайлович помощник, а позже юрисконсульт Александро-Невской Лавры, а затем и член Духовного Собора. После революции работы прибавляется. Он пишет тексты заявлений, ходатайств, протестов — против закрытия Петропавловского собора, изъятия «кружечного сбора» прихожан, реквизиции Дома трудолюбия в Кронштадте, вмешательства в порядок богослужения и треб, против арестов священников, в том числе протоиерея Философа Орнатского...

С 1920 года, став членом правления Общества православных приходов, он деятельно помогает митрополиту Вениамину. Характерно, что благодаря разъяснениям Ивана Михайловича среди братии

Мучительный, наполненный ловушками допрос Юрия Петровича продолжается и на следующий день. Председатель трибунала пытается запутать его, но чаще путается сам...

Порою дело доходит до казусов. Один из членов трибунала оказался студентом, получившим двойку на экзамене у профессора Новицкого. И судьи, то и дело как бы забывая, что они Новицкого судят, — просят дать ту или иную юридическую справку. Блестящий юрист и общественный авторитет опасен и для новой власти, и для нарождающейся «живой церкви». Его ответы трибуналу безукоризненно точны.

Председатель:

— Если вам, как профессору, как юристу-эксперту, дать на заключение письма митрополита, то нашли бы вы в них состав преступления?

— Обращение Митрополита, напечатанное в газетах, говорит о том, что нужно все жертвовать, и вообще — о необходимости подчиниться распоряжению власти. Первые 2 письма, по моему мнению, ультимативного значения не имеют.

— Носили ли эти письма характер духовно-пастырский, или это административные распоряжения?

— Первые 2 письма можно рассматривать как духовно-пастырские, последнее написано администратором

— Каким образом Казанский, с одной стороны, рассматривает насильственное изъятие актом кощунственно-святотатственным, а с другой — призывает как будто бы содействовать неправомерному распоряжению. Как вы могли бы примирить эти противоречия?

— Обращение предлагает относиться к изъятию по-христиански. Господь дал, Господь и взял — пытается объяснить им недоступное Юрий Петрович.

В своем последнем слове Ю. П. Новицкий кратко: привлечение его к делу объясняется лишь тем, что он состоял председателем правления, — говорит он. В приписываемых деяниях не повинен. Но если советской власти нужна в этом деле жертва, то

и прихожан изъятия в Лавре, во всех ее 14 храмах, проходят спокойно. Иван Ковшаров даже получает на месте благодарность от районных властей.

В чем же причина такого повышенного внимания на этом судилище к Ивану Михайловичу? За что он удостоен высшей меры «награды» от трибунала? Дело вот в чем. После написания второго письма, в Смольный, 13 марта Владыка издает еще один документ — инструкцию из 8 пунктов. Инструкция начинается так: «Ввиду участвовавших случаев посещения действующих и закрытых храмов разными лицами для проверки храмовых описей и даже изъятия священных предметов преподаются следующие руководящие указания, как поступать в таких случаях...», далее следуют 8 коротких пунктов, которые с полной ясностью высказывают правила для священников и мирян.

Эти правила по указанию Митрополита составлены Иваном Ковшаровым. Их можно назвать памятником православно-правовой мысли XX века в частности и в условиях богоборчества — вообще!

Прочитаем 6-й пункт: священные сосуды и освященные предметы священник по церковным канонам по распоряжению церковной власти не может отдать посетителям. Если же они будут требовать, то должен заявить — берите сами...

Здесь в правовое поле абсолютного бесправия Русской Церкви вписаны самые строгие канонические правила.

Выход найден с ювелирной точностью и определен в простых формулировках.

Невозможно спасти церкви от разграбления — необходимо постараться спасти жизни священников и прихожан, а главное — их души.

Можно с уверенностью сказать, что нет никакого элемента случайности в этом составе четырех петроградских мучеников. И трибунал, и ВЦИК безошибочно определили лиц, благодаря которым Православной Церкви в Петрограде в 1922 году удалось практически без потерь пройти сквозь ловушку богоборцев.

13

Митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский)

Архиепископ Александр (Толстопятов), в 1922 г — иерей Анатолий Толстопятов

С. М. Ляпунов

Партитура хорового произведения С. М. Ляпунова

VI. Допросы продолжаются.

Свидетели

18 июня

На Петроградском процессе завершается наконец допрос основных обвиняемых. И в этот же день вся Россия слышит голос запертого в Ярославле митрополита Агафангела: «Благодать вам и мир от Бога и Отца нашего и Господа Иисуса Христа! — пишет назначенный Патриархом своим заместителем Ярославский митрополит. — Я лишен и донныне возможности отправиться на место служения... Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русской Церкви. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными... Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высокого руководства, вы управляете теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием и священными канонами впредь до восстановления высшей церковной власти окончательно...»

Петроградский митрополит Вениамин, как истинный воин Христов, первым встает на пути похитителей церковной власти и их перерожденческой ереси.

Теперь эту эстафету принимает следующий архипастырь — Ярославский митрополит Агафангел.

Их подвигом открывается борьба Церкви Христовой с расколом.

Но вернемся в зал суда. Продолжаются допросы остальных подсудимых по более «мягким» статьям.

Из материалов дела: говорит член комиссии по изъятию. «Когда, запечатав церковь мы уходили... нас остановил священник Толстопятов и от имени Всевышнего Бога по одиночке проклял нас. А староста церкви Ляпунов, которого отец Толстопятов «заразил таким преступным поведением», категорически отказался сдать церковные ключи...» Это обвиняют

настоятеля консерваторского храма Рождества Богородицы (бывшего морского офицера и будущего архиерея) отца Анатолия Толстопятова и ктитора этого храма композитора с мировым именем, профессора Консерватории — Сергея Михайловича Ляпунова.

Знаменательно, что здесь, на скамье подсудимых в большом зале филармонии, во время заседания Ревтрибунала Сергей Ляпунов сочиняет хоровое произведение «Богородице Дево, радуйся». От тюрьмы 63-летнего композитора спасает мировая известность. После суда он уехал в Европу и вскоре скончался. Но и он передает свою эстафету. В конце 20-х годов, когда первые руководители Александро-Невского Братства уходят в лагеря и тюрьмы, Братством в Петрограде руководит иеромонах Сергей Ляпунов, в миру — Борис Сергеевич, сын композитора.

Допрашивают студента богословских курсов Василия Киселева, который во время изъятия зашел во Владимирскую церковь и был арестован там, потому что... заплакал, увидев ободранную икону.

Председатель:

— Почему же Вы плакали перед иконой?

Киселев:

— Потому что риза была снята, икона стояла на полу. А это моя любимая икона.

— Почему же Вы все-таки плакали?

— Потому что я обиделся. Великая икона стоит на полу ободрана.

— Вас утешала мысль, что серебро пошло на помощь голодающим? — задает коварный вопрос обвинитель.

— Нисколько... Об этом я не задумывался. Господь знает, куда идет серебро.

Киселев проходит на процессе как второстепенный персонаж. Но теперь в допросе принимают участие все обвинители.

— А Вы не боитесь преподавать детям Закон Божий? Может быть, научите людей неправильно мыслить?

— Я худому не обучаю. Обучаю молитвам. Обучаю в церковь ходить.

— А Вы сами любите Церковь?

— Очень люблю, — отвечает Василий Киселев. — Очень предан...

Допрос подсудимых этой группы представляет собой разнообразную смену лиц, возрастов, социального положения и полов. Все они или высказывали в толпе различные взгляды на изъятие ценностей, или попали туда случайно. Допрос подсудимых, продолжавшийся без малого 2 недели, окончен.

26 июня

Трибунал приступает к допросу свидетелей. По этому делу их вызвано 42, некоторые не явились; ни защита, ни обвинение не настаивают на их приводе. Главнейший из них — Введенский — не может быть допрошен. Была ли полученная им травма действительно серьезной или он уклонился от дачи показаний — неизвестно. Обвинение заменяет его другим свидетелем — Красницким. Священник Владимир Красницкий — тот самый, что был объявлен митрополитом Вениамином отпавшим от общения с Церковью. И он становится «злым гением процесса».

Вспоминает очевидец: «Высокий, худой, с бледным лицом нестарый человек в священнической рясе решительными шагами и с вызывающим видом подходит к своему месту и начинает «показания». И с каждым словом, с каждым звуком этого мерного, резко-металлического голоса над головами подсудимых сгущается смертная тьма! Роль этого свидетеля ясна. Его задача заполнить заведомо ложными обобщениями ту пустоту, которая зияет в деле на месте доказательств. Его слова — настоящая петля, которую он поочередно набрасывает на шею каждого из подсудимых. Ложь, безответственные, но ядовитые обвинения в контрреволюционных замыслах — все пушено в ход столпом «живой церкви». Жутко

становится в зале. Все — до трибунала включительно — опускают головы. Всем не по себе».

Красницкий сводит счеты с Митрополитом, его послание об отлучении называет неканоничным. Лжесвидетель идет еще дальше. Он приписывает митрополиту Вениамину «воззвание к казакам» от 1919 года, которое, и все это знают, выпускал тезка Митрополита — епископ Севастопольский Вениамин Федченков. Наконец Красницкий закончил и — редкий случай — ни трибунал, ни обвинение не задают ему ни одного вопроса. Следующим допрашивают священника Боярского, также одного из подписавших «Письмо 12-ти». От него ждут показаний в духе Красницкого, но...он обманывает ожидания трибунала. «Митрополит был несомненно аполитичен, — говорит свидетель. — Та фраза, что он вел корабль церковный вне политики, соответствует действительности».

Это правдивое свидетельство «прогрессивного», но не потерявшего совесть священника Александра Боярского влияния на ход дела, разумеется, не оказывает.

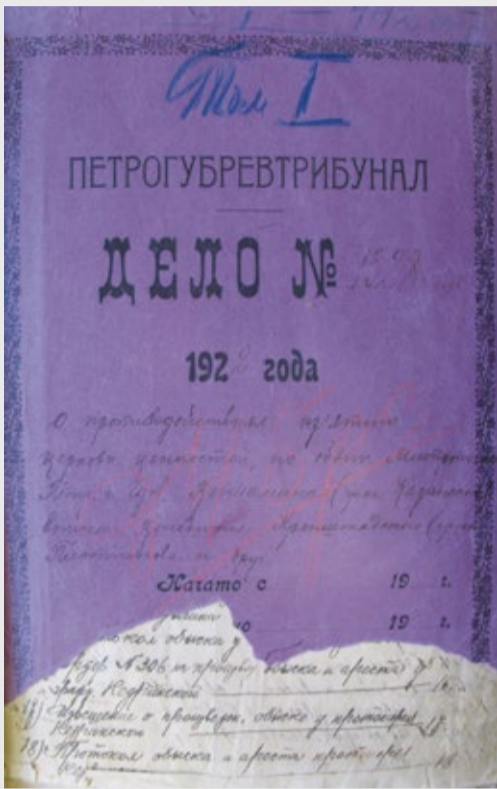
Трибунал и обвинители проявляют недовольство, но священник стойко держится на своей позиции.

Недовольство трибунала усиливается, когда начинает говорить следующий свидетель, профессор Технологического института Николай Михайлович Егоров (старший брат иеромонахов — братьев Егоровых). Профессор Егоров, как мы помним, был одним из представителей Митрополита на переговорах с ПомГолом. Он разъясняет во всех подробностях историю переговоров. Его рассказ полностью разрушает выводы обвинительного акта по этому пункту.

Председатель резко обрывает свидетеля и неожиданно объявляет перерыв. Некоторые искушенные зрители в публике предрекают — такой перерыв «не к добру». Эти предсказания оправдываются. Трибунал возвращается через 10 минут и предоставляет слово одному из обвинителей. Тот заявляет, что из

Руководители Александрo-Невского братства в 1930 г., справа стоит иеромонах Сергей (Ляпунов), Борис Сергеевич Ляпунов

Титульный лист следственного дела

Группа адвокатов на Петроградском процессе

Обложка сборника «Черная книга. Штурм небес»

показаний Егорова вытекает, что он единомышленник митрополита. Поэтому и ему предъявляется соответствующее обвинение.

Защита протестует. Трибунал удаляется «на совещание». Возвратившись через несколько минут, провозглашает резолюцию об удовлетворении предложения обвинения. Профессор Егоров немедленно взят под стражу.

Нетрудно представить, что чувствуют остальные свидетели той же группы.

К счастью, трибунал сокращает список свидетелей. Вместо них несколько дней ведется допрос милиционеров, агентов ГПУ и т. п. Наконец трибуналу представлен самый «вопиющий» эпизод — у храма Спаса на Сенной. Говорит свидетель — начальник милиции

VII. Обвинение и «защита»

Обыкновенно в сложных многодневных процессах по окончании судебного следствия объявляется перерыв на 1 — 2 дня. Это дает возможность сторонам «собраться с мыслями». В данном случае перерыв был необходим тем более. Ведь окончание предварительного следствия и предание суду происходили с молниеносной быстротой. Защитники не имели возможности заблаговременно ознакомиться с делом.

29 июня

Трибунал объявил, что к прениям сторон приступит... через 2 часа. С юридической точки зрения вся суть поединка между обвинением и защитой на этом процессе заключается в вопросе о наличии «контрреволюционного сообщества». При утвердительном ответе — смертный приговор для основных подсудимых неминуем. Но это в теории. По существу же приговор предreshен, и все это понимают.

Первый обвинитель выходит из затруднительного положения, объявляя преступной организацией всю Православную Церковь. В этой речи нет ни слова о Митрополите, ни об изъятии церковных ценностей в Петрограде... Словившись, заканчивает:

хоры. Обвинитель несколько раз повторяет тот же рефрен «о головах» — и всякий раз, как по команде, раздаются аплодисменты. К концу трехчасовой речи это упражнение, видимо, надоедает и им. Обвинитель заканчивает в гробовой тишине.

Начинаются речи защитников.

Первым говорит профессор Александр Александрович Жижиленко, ученый-правовед, он защищает сразу шестерых обвиняемых: епископа Венедикта (Плотникова), архимандрита Сергея (Шейна), адвоката Ивана Ковшарова, профессора права Огнева, священников Михаила Чельцова и Сергея Зенкевича:

— По религиозным убеждениям я атеист, — начинает профессор. Если мне приходится выступать в процессе, где обвиняемые священники и представители высшего духовенства, то только потому, что я как специалист в области уголовного права не могу равнодушно относиться к основаниям, на которых зиждется обвинение.

Далее профессор сообщает, что имеет непосредственное отношение к разработке нового уголовного кодекса (принят 1 июня 1922 года).

Под видом общих предпосылок читает судьям для элементарного ознакомления блестящую лекцию об основах уголовного права, о презумпции невиновности. Характеризует «тяжелые» статьи 62 и 119, грозящие высшей мерой, представляет анализ понятия «преступное сообщество» и показывает, что этот признак совершенно отсутствует в настоящем деле.

Не обходится и без политеса. Подробно анализируя письма Митрополита и «Письмо 12-ти», защитник находит их тождественными.

— Данный процесс имеет большое историческое значение, — заканчивает свою трехчасовую речь профессор. — И чем бы он ни кончился — все равно русская действительность произнесла приговор старой Церкви — она осуждена, умерла, история ее похоронила. Лозунг нашей эпохи — раскрепощение личности от старых уз... раскрепощение распространяется и на церковь.

района: «Уговаривал толпу разойтись. Увидел на стене церкви какое-то объявление. Хотел к нему обратиться, но толпа оттеснила. Потом смяла и начала наносить побои. В результате выбито 18 зубов...»

А вот типичный рассказ о «беспорядках»: свидетель... такой-то... дает показания о противодействии изъятию ценностей со стороны гражданина... такого-то, который ... «сидел на корзине с ценностями».

Дальнейшие свидетельства повторяют картину обвинения. Трибунал заявляет, что обстоятельства дела считает выясненными. Допрос свидетелей прекращен. Защита ходатайствует в том числе о приобщении документа, из которого явствует, что изъятие в Петрограде прошло благополучно. Большинство ходатайств защиты отклонено.

«Митрополит достаточно обличается тем, что он, во-первых — митрополит, и, во-вторых, тем, что он не протестовал против постановлений Карловацкого собора, а значит солидарен с ними».

Слово переходит к главному обвинителю.

Вспоминает очевидец: «В течение почти 3 часов обвинитель с яростью выкрикивал отдельные слова и обрывки предложений. Единственное, что можно было понять — это то, что он требует ... «16 голов».

Из дневника отца Николая Чукова: этот московский гастролер ругался, кричал, стучал, грозил; в конце концов охрип. Кажется, натащил все ругательства; и лжецами, и обманщиками величал, и трусами... разобрав Патриарха, Митрополита, Новицкого, Ковшарова, Шейна, Огнева, Чельцова, меня, Богоявленского, Карабинова, Зенкевича, Пресвященного Венедикта, Петровского, Бычкова, Бенешевича, Парийского и Елачича требовал по всем 16 человекам высшей меры наказания. Половина зала аплодировала...»

Аплодирует специальная публика, подкрепленная несколькими сотнями красноармейцев и занявшая

Затем слово переходит к защитнику Митрополита Якову Самуиловичу Гуровичу.

Защитник указывает обвинению, что оно пытается переместить центр тяжести в историческую и политическую плоскость. Сам также совершает несколько исторических экскурсов (в основном в дело Бейлиса).

— Выпады обвинения маскируют пустоту, — говорит защитник. — Между письмами Митрополита и беспорядками нет никакой связи.

Речь Гуровича искрит образами, каламбурами, игрой слов. Из речи защиты, по записи очевидца: «Когда мы входим в здание, построенное обвинением, нас поражает архитектурная ошибка. Отдельные дела связаны одной нитью, а между тем связи нет». «Нет никакой связи и с зарубежным духовенством. Для нас неизмеримо важнее Карловацкого собора собор Казанский».

«...было не более 2,5 процентов случаев, когда изъятие сопровождалось инцидентами, и только в одном случае было выбито 18 зубов. Факт возмутительный, но нельзя же требовать за каждый выбитый зуб человеческую жизнь...»

Протоиерей Николай Чуков помечает в дневнике: «Вчера, 4 июля, с утра отвечал Гуревич (Гурович — прим. сост.) на реплики обвинителей сказал сильно и красиво...»

На процессе, как мы помним, собирался выступать и Введенский, но камень у входа в филармонию остановил его. Сам он расскажет впоследствии, что собирался строить защиту на психологическом анализе характера Митрополита: «Трудно представить себе более некомпетентного в политике человека — я хотел изобразить трагедию благочестивого монаха, которым вертели, как хотели церковники...»

Именно в таком ключе и строится «защита» Владыки на процессе.

Из речи Гуровича, по записи очевидца: «Здесь про него сказали: «...простой, немудрящий сельский попик», и это верно... Он — не князь Церкви... Про

Процесс Вениамина, Митрополита Петроградского.

(По записи одного из видных участников процесса).

Предлагаемый отчет процесса Вениамина, митрополита петроградского, построен на тщательно проверенном, но, сравнительно, скудном материале; поэтому он весьма далек от той полноты и детальности, которая была бы желательна для столь значительного исторического события. Существует, правда, «официальная» стенографическая запись всего процесса, но она старательно запрятана в архив петроградского ревтрибунала. Мы вярим, что наступит день, когда этот стенографический отчет, составленный по почину наших большевиков, увидит свет Божий и откроет всему миру потрясающую картину мученичества неповинных жертв созданного советской властью процесса. Пока же приходится удовлетворяться теми скромными материалами, которые находятся в нашем распоряжении.

I.

Полюса «изъятия церковных ценностей» до Петрограда дошла довольно поздно: в середине марта 1922 года. К этому времени в целом ряде городов изъятие уже было осуществлено, сопровождалась кое где слабыми попытками к сопротивлению со стороны враждующего населения, весьма редко (в единичных случаях) выражавшимися в рязких формах.

Главой Петроградской епархии в то время был митрополит Вениамин. Избрание его из викариальных епископов в митрополиты состоялось летом 1917 года при Временном Правительстве. Это, кажется, был первый случай применения демократического порядка избрания митрополита. Петроградское население огромным большинством (из том числ, голосами почти всх рабочих) возтировало за владыку Вениамина, которому тогда противопоставлялась «высшими слоями» кандидатура епископа Андрея Уфимского. Побла сторонников владыки Вениамина находила естественное объяснение в том, что петроградское население — и, в особенности, его трудовые элементы — давно его знало и было глубоко приназано к нему за его доброту, доступность и неизменно сердечное и отзывчивое отношение к своей пастве и к нуждам ее отдельных членов.

Глава сборника, посвященная Петроградскому процессу

Адвокаты В.М.Бобрищев-Пушкин и Я.С.Гурович

него, как и про всех подсудимых, говорили: лицемеры, предатели, лжецы. Пусть так. Но одного в нем нет — трусости... Духовенство в прошлом жалкие рабы, но не хозяева. Они, как справедливо указал обвинитель, были как рабы прикованы к колеснице царизма...»

Да, нелегко составить речь в защиту Митрополита перед лицом Ревтрибунала. Но умаление репутации подзащитного — сомнительный защитительный прием. Да и нуждается ли Святитель в приемах?

Общим местом в литературе и статьях о Петроградском процессе стало мнение об исключительно позитивной роли защитника Гуровича. Объяснение этому — единственный подробный рассказ о его выступлениях, который и стал первоисточником всех дальнейших повествований. Опубликован этот рассказ на русском языке в 1925 году в Париже. Включен составителем А.А. Валентиновым в сборник «Черная книга. Штурм небес», никогда не издававшийся в России. С высокой степенью вероятности автором повествования, пожелавшим остаться неизвестным, является сам Гурович. После процесса ему разрешено уехать из России, и конец жизни он проводит во Франции. Как подмечают в эмигрантских кругах — он зарабатывает чтением лекций о деле митрополита Вениамина.

Все это, разумеется, не значит, что будь на месте Гуровича другой защитник, что-то изменилось бы.

Приговор Митрополиту вынесен еще до начала процесса. Действо в филармонии — страшный спектакль, где все роли расписаны заранее. С этого ракурса виден истинный программный смысл последних и знаменитых слов защиты: «Церкви предстоит одно из двух: путь мученичества или путь подчинения. Граждане судьи, не ведите Церковь по первому пути... Это большая политическая ошибка. Не творите мучеников!»

Между тем атмосфера в зале суда сгущается все больше. Об этом свидетельствует и происходящее

с защитником Гириным, адвокатом Юрия Новицкого, протоиерея Николая Чукова и еще нескольких подсудимых. Начало его речи вызывает всеобщее недоумение: она полна сумбура, в ней отсутствует содержание... Гиринский не может ответить на вопрос, кого защищает. Он не выдерживает нервного напряжения, ему становится плохо. Объявлен перерыв. Подзащитные Гиринского переданы Моисею Равичу. Надо сказать, что людям с совестью участие в этом процессе дается нелегко. Из воспоминаний дочери Моисея Семеновича Равича: «Мама стояла перед ним на коленях, умоляла не брать на себя защиту. — Жизнь будет загублена, — говорила она. Каждый раз, уходя из дома на судебные заседания в филармонию, он со всеми прощался...» Моисей Семенович отказался от всякого вознаграждения. Лишь принял от Ю. П. Новицкого как благословление маленькое распятие черного дерева прекрасной работы (бережно хранилось в семье до ареста и расстрела Моисея Семеновича в 1938 году).

Характерно, что все защитники на процессе объявляют себя атеистами. Все, кроме одного.

Владимир Михайлович Бобрищев-Пушкин, 70-летний известный на всю страну адвокат, говорит на процессе о главном:

— Я не боюсь прослыть несознательным. Скажу вам: я верю. Не думайте, что я буду вам говорить о Боге. Для меня священна третья заповедь... Когда мне сегодня пришлось услышать, что дело должно быть сведено к признанию лицемерия в этих людях, потому что они не могут не понимать, что они заблуждаются, — я жалел об этих словах... Я знаю слово Христа, который говорит: Люби ближнего, как самого себя... Отдай последнюю рубашку». Они это делали. Все, что могли собрать, — собирали. А вы хотите уверить нас, уверить весь мир, что духовенство во главе с высшими представителями растоптало Евангелие, растоптало слово Христа. Нет! Против своей веры они не погрешили!

VIII. Последнее слово Митрополита

Неправедный суд в филармонии приближается к своему логическому финалу. Судебные прения окончены. Очередь за последним словом подсудимых.

4 июля

Яркий солнечный день. Большой зал филармонии наполнен светом. Председатель делает распоряжение о прекращении стенографирования. Цель распоряжения понятна — не допустить распространения последних слов подсудимых в эти трагические минуты их жизни.

— Подсудимый Василий Казанский, Вам принадлежит последнее слово.

Митрополит, не спеша, встает. Его высокая фигура ярко освещена солнцем. В зале все замерло.

«Второй раз в моей жизни мне приходится предстать перед народным судом. В первый раз я был на суде народном 5 лет тому назад, когда в 1917 году происходили выборы митрополита Петроградского. Тогдашнее Временное правительство и высшее петроградское духовенство меня не хотели. Но приходские собрания и рабочие на заводах называли мое имя».

«Просто и хорошо говорит Владыка», — записал в своем дневнике отец Николай Чуков.

— И вот вопреки своему собственному желанию я был избран подавляющим большинством голосов в митрополиты Петроградские. Почему это произошло? Конечно, не потому, что я имел какие-либо большие достоинства по сравнению с другими высокими иерархами, тоже кандидатами на этот высокий пост, а только потому, что меня хорошо знал простой петроградский народ, так как я в течение двадцати трех лет перед этим учил и проповедовал в церквях на окраинах Петрограда.

Надо сказать, что записи последнего слова митрополита Вениамина, сделаны не менее чем четырьмя очевидцами. Имена троих — неизвестны.

— И вот 5 лет я в сане митрополита работал для народа и на глазах народа, — продолжает Владыка, — нес в народные массы только успокоение и мир, а не ссору и вражду. Я был всегда лоялен по отношению к гражданской власти и никогда не занимался никакой политикой. Советская власть, по-видимому, это вполне понимала, так как я никогда не получал запрещения ни в совершении богослужений, ни в праве объезда епархии. В последний год, когда начался тяжелый вопрос об изъятии ценностей, было то же самое.

Власть вступала со мной в переговоры, принимала мои послания и отвечала на них, а 10 апреля на страницах своей печати поместила мое воззвание к верующим.

Так продолжалось дело до 28 мая, когда вдруг неожиданно я оказался в глазах власти врагом народа...

Зал по-прежнему хранит глубокое молчание, а Митрополит продолжает: «Я, конечно, отвергаю все предъявленные ко мне обвинения. Еще раз торжественно заявляю (ведь, быть может, я говорю в последний раз в своей жизни), что политика была мне совершенно чужда, я старался по мере сил быть только пастырем душ человеческих. И теперь, стоя перед судом, я спокойно ожидаю его приговора...

По воспоминанию участницы Александроневского Братства Наталии Сергеевны Чистоткиной, которая присутствовала в зале, следующие слова Владыка говорит, обратив лицо к своим духовным чадам.

Она пишет: «Владыку Митрополита, кто имел какую-то возможность, видели во время процесса, и он благословлял всех своих, когда проводили его мимо. Мы слышали его последнее слово, которое он говорил, обратив лицо к нам: «Горе если кто как убийца или вор, или злодей, а если как Христианин, то благословляю Бога за такую участь».

И это все, что Митрополит сказал о себе в «последнем слове». Остальное, довольно продолжительное

Адвокат М. С. Равич

В зале суда

Ревтрибунал на Петроградском процессе

Чтение приговора

Осужденных сажают в грузовики

Митрополит Петроградский и Гдовский
Вениамин (Казанский)

Митрополит Вениамин и сотрудник канцелярии
Лев Парийский

время он посвящает исключительно объяснениям в защиту некоторых подсудимых. Он ссылается на документы и другие данные: обнаруживает при этом хорошую память, последовательность и невозмутимое спокойствие. Называя каждого подсудимого по имени, он говорит: «Распоряжения ему были даны мною. Он должен был подчиниться», «Такой-то был в командировке и, следовательно, он не мог принимать участия в том, что ему вменяется». И все так. Ни звука о себе. Одно из его утверждений представляется, как он сам признает, недоказанным. По этому поводу он, со свойственной ему тихой улыбкой, замечает: «Думаю, что в этом отношении, вы мне поверите без доказательств. Ведь я, по всей вероятности, говорю сейчас публично в последний раз в своей жизни: человеку же, находящемуся в таком положении, принято верить на слово».

Момент воистину незабываемый. Всем ясна великая духовная сила этого человека, который в такую

IX. Приговор

Все подсудимые опрошены о последнем слове 4 июля к 11 часам ночи. Отдается приказ привезти их в суд из тюрем завтра, в среду, 5 июля, к 4 часам дня.

Митрополит Вениамин и епископ Венедикт содержатся в ДПЗ на Шпалерной, остальные — в исправдомах № 1 и № 3 (на Арсенальной ул. и на Нижегородской ул., ныне — улице Академика Лебедева, соответственно). Возвращаются они в свой исправдом, как всегда, в грузовиках. Настроение у всех почти веселое. Что же развеселило их? Последнее слово протоиерея Василия Акимова, священника Покровской церкви в Коломне. В суде, имеющим целью поругание веры и Христа, отец Василий представил в «последнем слове» свои заслуги для Церкви. «Он был бы оправдан, ибо ничего не найдено «преступного» в его деле, — вспоминает отец Михаил Чельцов, — но за эту речь получил 3 года изоляции». Невзирая на то, что

20

«смертника» о пережитом» протоиерей Михаил Чельцов, — я начинал высчитывать — гадать, подойду ли я к той или иной цифре. И обычно выходило, что если 10, то и я непременно...» «Невольнo хотелось, — продолжает он, — не столько от разговоров с другими, но от фигур их, от спокойного вида других... — получить надежду на доброе для себя; если они спокойны, значит, они знают что-то хорошее, значит, и тебе нечего беспокоиться».

«Я старался внимательно всматриваться в лицо митрополита Вениамина. Ему-то, думалось мне, больше всех других должен быть известен исход нашего процесса; ему приговор суда должен быть более грозными и тяжелым. Но как я ни старался распознать что-либо в митрополите Вениамине, мне это не удавалось. Он оставался как будто прежним каким-то окаменевшим в своем равнодушии ко всему и до бесчувственности спокойным. Мне только чудилось, что в этот день он был более спокоен и задумчиво-молчаливым. Прежде он больше сидел и говорил с окружающими его, — теперь он больше ходил».

Портрет митрополита Вениамина, нарисованный протоиереем М. Чельцовым, удивительно точен. Он описал невидимую границу, их разделяющую. Митрополит Вениамин уже готов переступить рубикон между земной и небесной жизнью. Он уже не способен беспокоиться о том, что беспокоит отца Михаила. С митрополитом Вениамином происходит по сути то же, что и со священномучеником V века диаконом Вениамином, которого царь Издигерд приказал пытать, но тот «вменяя себе сии страдания как бы в некую радость», мужественно перенес все нестерпимые мучения и предал дух Богу.

Открытие суда для выслушивания приговора было назначено на 6 часов вечера. Между 4 и 5 сообщают — открытие отложено до 9 часов вечера. Двойственное волнение, ускользающая надежда, томительное ожидание и, наконец, одно желание: как бы поскорее все это кончилось; пусть тяжелым, но определенным.

минуту, забывая о себе, думает только о несчастьи других и стремится им помочь.

В наступившей за заключительными словами Митрополита благоговейной тишине — раздается голос председателя — голос, в котором звучит доселе ему несвойственная мягкая нота: «Вы все говорили о других; трибуналу желательно знать, что же Вы скажете о самом себе». Владыка, который уже сел, вновь поднимается. И в трогательном недоумении, тихо, но отчетливо говорит: «О себе? Что же я могу вам о себе еще сказать? Разве лишь одно... Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре, — жизнь или смерть, — но, что бы вы в нем ни провозгласили, — я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом Митрополит широко перекрестился) и скажу: Слава Тебе, Господи Боже, за всё».

Таково последнее слово митрополита Вениамина. Передать настроение, охватившее публику, — невозможно.

Трибунал сделал перерыв.

сдал в Фонд ПомГола все до единой семейные драгоценности, включая 4 золотые медали своих детей.

5 июля

Памятный день для всех подсудимых.

Последнее путешествие в суд проходит в молчаливом настроении. Народу на улицах вблизи Михайловской площади сравнительно мало. Подвозят к филармонии около трех часов.

Прежде вновь приезжавшие оживляли «комнату обвиняемых». Теперь печать ожидания тяжелого лежит на самых стенах. Разговоры не клеятся. Откуда-то выползают слухи, что доподлинно-де известно — расстрелов не будет и митрополит Вениамин будет лишь сослан в Соловки. Появляются и другие слухи — к расстрелам приговорят то 10, то 8, то 6 человек. «Всякий раз как слышал я какую-нибудь новую весть, — пишет в своих «Воспоминаниях

Наконец, вызывают в зал... Но — нет, — оказалось к фотографу; сначала архиереев, затем тех, кому грозит смертная казнь, затем всех остальных.

Именно этому обстоятельству мы обязаны возможностью рассмотреть 2 групповые фотографии подсудимых в большом зале филармонии в день вынесения приговора 5 июля 1922 года. Подсудимых снова уводят.

К вечеру начинают пускать публику. Вход только после тщательной проверки входных билетов, вместе с документами, удостоверяющими личность. Образуется огромный хвост.

«Около 9 часов вечера раздался первый звонок — предвестник страшных минут. Невольно ёкает сердце, рука тянется к крестному знамени, — пишет отец Михаил Чельцов, — сознание работает туго. Звенит второй звонок. Мы потянулись в последний раз на свои места — на скамьи подсудимых.

Зал наполнен публикой. Со своего места стараюсь разглядеть, нет ли кого знакомого, — продолжает отец Михаил, — и кем вообще наполнен зал. Особенный интерес возбуждают студенты Зиновьевского университета».

Около 9 часов вечера раздается: «Суд идет». Все смотрят на входящих судей; их лица по обычаю холодны и грозны. Приглашения сесть не следует. Все стоят.

Председатель оглашает приговор.

Чтение длится 45 минут.

Вспоминает отец Николай Чуков: «Уже по началу, по мотивировке видно, что осудят. Вопрос только в том, кого и как».

Постановление трибунала сводится к следующему: «...При поддержке Патриарха Тихона митрополит Вениамин, совместно с правлением приходов, вырабатывал способы противодействия рабоче-крестьянской власти в проведении декрета; с этой целью созывались собрания правления, принимались и распространялись послания... Вся эта деятельность привела к беспорядкам. Активная группа

Протоиерей Михаил Чельцов

Протоиерей Леонид Богоявленский

Архиепископ Иннокентий (Тихонов)

Архиепископ Венедикт (Плотников)

из 10 человек во главе с митрополитом обратила правление в боевой штаб, действующий на основе директив Патриарха Тихона».

«На основании вышеизложенного приговариваются к высшей мере наказания — расстрелу:

- митрополит Петроградский Вениамин Казанский;
- настоятель Троицкого подворья архимандрит Сергей Шеин;
- профессор уголовного права Петроградского университета, председатель правления Общества православных приходов Юрий Новицкий;
- юрисконсульт Александрово-Невской Лавры Иван Ковшаров;
- преподаватель Военно-броневой автомобильной школы и секретарь правления Николай Елачич;
- настоятель Казанского собора протоиерей Николай Чуков;
- викарий Петроградской епархии епископ Кронштадтский Венедикт Плотников;
- настоятель Исаакиевского собора протоиерей Леонид Богоявленский;
- профессор Военно-юридической академии Дмитрий Огнёв;
- настоятель Троицкого Измайловского собора протоиерей Михаил Чельцов.

В конце чтения слышны 2–3 истеричных вскрикивания.

Из книги М. Чельцова: «Как только закончилось чтение приговора, раздались многочисленные дружные громкие рукоплескания... студентов Зиновьевского университета! Ох, тяжело от них почувствовалось...»

Х. После приговора

Суд над митрополитом Вениамином будущий Священномученик Иннокентий Тихонов уподобляет суду, которым был судим Господь наш Иисус Христос.

22

Иисус судим бывает, и осуждается на крест». Затем он спрашивает в своем письме: «Знаешь, что это значит, какая это трость? Трость, которой в древности писали. Мы бы сказали теперь вместо этих слов: «Уже омакается перо приговора»... Так и встает перед нами картина незаконного суда. Слушали и постановили. И пишется неправое решение».

Поздним вечером 5 июля провозглашен смертный приговор десятерым. Митрополита Вениамина и епископа Венедикта увозят, как и всегда, в ДПЗ (дом предварительного заключения) на Шпалерную. Остальных осужденных выводят на улицу и сажают в грузовик. Едут при полном молчании. Отец Михаил Чельцов вспоминает одну фразу Юрия Новицкого, обращенную к нему: «Вас вместе с нами к расстрелу? А знаете ли, вы наш лучший повод к кассации».

Конечно, кассационные жалобы защитники подают немедленно, обращаются и в Верховный ревтрибунал при ВЦИК с просьбой отменить обжалуемый приговор. Обращаются и с двумя другими просьбами — об изменении всем осужденным меры репрессии и о помиловании. Все возможные формальности соблюдены.

Между тем грузовик с восемью осужденными на смерть направляется к 1-му исправдому. На улицах совсем никого. Только около Сергиевского собора (на углу Сергиевской улицы, ныне Чайковского, и Литейного проспекта) небольшая кучка людей — из нее кто-то благословляет. Тесным кольцом конвоируют курсанты; впереди и позади — чекисты на двух автомобилях. В тюрьме приговоренных тщательно обыскивают, размещают в нижнем этаже, где обычно проводят дни смертники. Размещают их по двое.

Протоиерея Михаила Чельцова с архимандритом Сергием Шеиным. Познакомились они недавно, только на суде. Камера — одиночка; очень мала. Каждый старается уступить другому. Отец Сергей заявляет, что он монах и ему не подобает нежиться. Как-то устроились.

Судьи, закончив чтение... бегут из зала. Вслед им кричат защитники: «Мы кассацию подаем... мы заявляем... мы просим принять заявление». Но судьи, как бы чего страшного убоявшиеся, не слушая никого и ничего, бегут...

Уходят и оправданные — 25 человек, как сын протоиерея Михаила Чельцова Павел, как иерей Сергей Зенкевич, будущий епископ Стефан, как профессор историк-византист Владимир Бенешевич и как персидскоподданный чистильщик обуви Абдалов. Уходят и получившие условный срок, как композитор Сергей Ляпунов.

В зале — 10 смертников и другие осужденные:

- кто на 5 лет, как Лев Парийский; наибольший среди прочих срок, сотрудник канцелярии Митрополита получает за то, что пытался взять на себя вину за распространение писем Владыки;
- кто на 3 года, как протоиереи Толстопятов, Бычков, Кедринский, Акимов и как настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Михаил Союзов, для которого этот 3-летний приговор все равно станет смертным; он скончается в тюремной больнице через 2 месяца;
- кто на несколько месяцев, как иерей Иоанн Орнатский и студент Василий Киселев... Их испытания еще впереди.

«Настроение у всех, конечно, скверное, — вспоминает отец Михаил Чельцов, один из «смертников», — но ни у кого ни слезинки, ни вздоха. Все хоть и подавлены приговором, но без отчаяния. Сидим на своих местах на скамьях подсудимых. Молчим...

...Помню, я посмотрел на Митрополита, и мне понравилось великое спокойствие на лице у него, и мне стало хорошо за него, за себя и за всю Церковь».

В письме к своим духовным чадам из ссылки он приводит слова службы утрени Великого Пятка: «Уже омакается трость изречения, от судей неправедных,

Каждый думает свою невеселую думу. Отец Сергей часто вздыхает. Видимо, сердце дает себя знать — его пузырек с лекарством отобран при обыске. Он — большой любитель церковного пения — все время что-то тихонько напевает. Из дома отцу Михаилу прислали несколько книг, в том числе шестой том Иоанна Златоуста. Он пишет в своих «Воспоминаниях «смертника» о пережитом»: «Взял Маминна-Сибиряка, надеясь легким чтением развлечься, и эта книга вывалилась у меня из рук, я и пяти строк не мог прочитать. Отец Сергей был более меня счастлив. Он взял у меня Златоуста и сразу напал на слова святителя, поучающего о скорбях и несчастьях, посылаемых от Господа человеку. Златоуст приблизительно так говорил: тебя постигло несчастье, ты просишь Господа избавиться от него, но Господь не внемлет, и у тебя за несчастьем следует новое горе... Знай, что Господь все это делает для тебя и ты в конце концов от Господа не только получишь избавление от всех горестей, но и сторицей вознаграждение. Впоследствии... сколько раз я ни пытался найти это место у Златоуста, так и не смог. Как будто оно куда-то из книги исчезло, или мы в те неповторяющиеся тяжелые минуты читали что-то, чего в книге не было...»

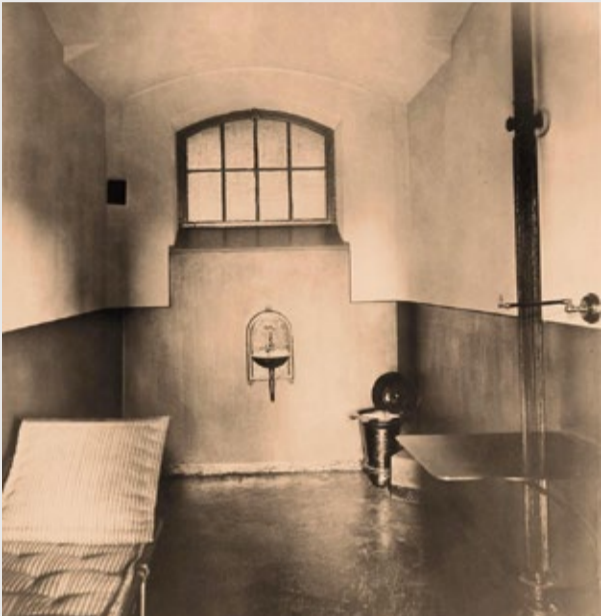
Утром они совершают обедницу, но без причащения Святых Тайн за неимением их. День тянется долго и мрачно. Вдруг открывается дверь камеры и объявляют — всех смертников переправляют в ДПЗ на Шпалерную.

«Быстро собрали мы вещи, — продолжает отец Михаил. — Из оказавшейся излишней провизии кое-что отдали нуждающимся арестантам, стали поджидать. Тут совершенно неожиданно для меня отец Сергей обращается с такими словами: «А все-таки, отче, неизвестно, куда нас повезут. Также неизвестно, как мы там станем жить и что с нами приключится, а поэтому поисповедуй-ка меня...» Я снял с груди своей священнический крест, положил его на подоконник, как бы на аналой, через шею спустил

23

ДПЗ на Шпалерной улице

Камера-одиночка в ДПЗ на Шпалерной улице

полотенце двумя концами на грудь наподобие епитрахили и приступил к исповеди, прочитывая выступавшие в памяти исповедальные молитвы. Отец Сергей исповедовался искренне, горячо и слезно. Это была его последняя земная исповедь...»

«Шпалерка» — так называли дом предварительного заключения на Шпалерной улице — встречает смертников могильной тишиной — только стук шагов раздаётся под сводами тюрьмы. «Нет ни одного человеческого лица, — вспоминает отец Михаил. — По узкой витой лестнице с частыми площадками поднимаемся на 4-й этаж. У надзирательского стола начинается обыск: и такой, какому я еще нигде ни разу не подвергался». Белье все распускается и рассматривается до последней нитки, пища перерезается и переламывается; отобраны листы чистой бумаги и карандаш.

При распределении вновь прибывших восьмерых «смертников» соблюдается строгая предусмотрительность; размещение в одиночные камеры, не соседние и на разных этажах. Отца Михаила, Елачича, Огнева и Ковшарова оставляют на 4-м этаже. Отец Сергей Шеин, отец Леонид Богоявленский и отец Николай Чуков направлены на 3-й. А Юрия Новицкого спускают на 2-й, где уже с начала процесса находятся епископ Венедикт и митрополит Вениамин.

«Ввели меня в камеру, — пишет отец Михаил в своих «Воспоминаниях «смертника» о пережитом». — Камера как камера: сажень ширины, два длины. Налево от двери прикрепленная к стене железная кровать с очень потрепанным мешком, в котором когда-то была солома... ложе мое было не хуже ложа любого древнего пустытника... напротив койки у другой стены... небольшой железный стол с таковым же стулом — оба крепко прибитые к стене. За столом, у окна клозет с умывальником и водой в баке наверху... всю внешнюю жизнь можно охарактеризовать одним словом — «изоляция». Ни свиданий, ни прогулок, ни выходов из камер. Даже двери камеры открывались лишь 2 раза в неделю; чтобы

выйти в специальную комнату для получения передачи. Надзиратели не имеют права разговаривать с заключенными. Несколько первых дней, до получения телеграммы из Москвы о задержании приведения приговора в исполнение, у дверей каждой камеры стоит часовая с ружьем. Дело затребовал ВЦИК, стенограмма процесса доставлена в Москву.

На самые разные имена высших работников всех структур сыпятся десятки, сотни писем с просьбой о помиловании митрополита Вениамина и других осужденных. Но судьбу их решают не судебные и не государственные власти.

13 июля

На заседании политбюро заслушан доклад Троцкого, который называется «О питерских попах». На основании доклада принято секретное постановление, которое гласит: «Согласиться с предложением комиссии о «4 и 6»...

Что это за цифры? Это решение о судьбе осужденных: это 4 смерти и 6 жизней.

Формула «4 и 6» еще три недели не выходит за границы узкого круга лиц в политбюро...

Но вернемся в тюрьму на Шпалерной.

Итак, всякие разговоры с надзирателями запрещены. «Но люди — всюду люди, — пишет отец Михаил, — душа-то влечет... сказать что-либо доброе, приятное, утешительное, особенно смертнику... и надзиратель, сам открывши дверную форточку, шепнул мне:

— Не бойтесь, расстрелов не будет.

— Почему вы так думаете? Разве известно что-либо?..

— Да так, по всему это видно...

Пустьшное известие... а как радостно после него чувствовалось...»

Навсегда остался в памяти Сергиев день.

18 июля

Накануне отец Михаил долго не засыпал. Вдруг — гулкий удар колокола, один, другой. Вспомнилось — завтра память преподобного Сергия Радонежского

и благовестят в Сергиевском соборе (в 1932 году частично разобран, стены использованы при строительстве здания ОГПУ). А собор близко от тюрьмы. «На душе стало совсем-совсем тяжело: на воле праздник, — пишет отец Михаил, — верующие идут в храмы, а я здесь, без храмовой молитвы, без Причастия... Вспомнилось, что я гадал в этот день съездить в Сергиеву пустынь... я встал и полуодетый отслужил молебен преподобному Сергию».

На следующий день вдруг отрывается форточка и дежурная надзирательница подает мне небольшой сверточек в красной платке и взволнованно полупшепотом говорит: «Возьмите скорее. Тут что-то вроде Причастия...» Благоговейно беру, с трепетом душевным развертываю... небольшой ящик позлащенный, а в нем только что в храме за Литургией освященные Святы Дары...! Позже узнает отец Михаил, что святое Причастие прислано из Сергиевского собора, по просьбе митрополита Вениамина, которому, как мы думаем, благоволило и тюремное начальство. Святой Владыка продолжает свое архиерейское служение; утешает соузников, и как узнаем в дальнейшем, наставляет паству.

А сейчас отец Михаил, оставшись со Святыми Дарами, размышляет... что делать? «Сейчас же принять их? Но я не готов, да и пообедать уже. Решаю оставить до завтра. Но доживу ли? Решаю, что Святы Дары, завернув в чистую бумажку, положу в укромное местечко, и, если ночью придут за мной для расстрела, то первым делом возьму Святы Дары и потреблю их. Если же этого не произойдет, то Святы Даров мне хватит дня на 4 — 6». Так и получилось. Святого Причастия отцу Михаилу хватило на 5 дней.

26 июля

В Москве проходит заседание Кассационной коллегии, она оставляет приговор в силе.

2 августа

Президиум ВЦИК обращается в политбюро — редчайший случай — с просьбой пересмотреть директиву о «4 и 6».

Но уже в этот же день пленум ЦК РКП(б) отклоняет ходатайство президиума ВЦИК.

И 3 августа принимается окончательное решение...

Форточка в двери камеры отца Михаила вдруг открывается. Благоволивший ему надзиратель сообщает:

— Сейчас читал в газетах о том, кого не помиловали, вашей фамилии там нет...

— Да знаете ли Вы мою фамилию?..

Форточка быстро захлопнулась... Через 2 часа вновь открывается, надзиратель уточняет:

— В газете непомилованным назван Митрополит и еще трое. Фамилий не помню, но точно не вы...

«Восторг и радость. Но сейчас же, — эти минуты хорошо сохранились в моей памяти, — продолжает отец Михаил, — они сменились противоположным настроением. Даже любовь к собственной шкуре с эгоизмом как будто замолкли и притаились. Близость насильственной смерти другого не только уменьшает, но даже почти совершенно прекращает радость от сознания собственной безопасности».

3 августа

Окончательное постановление президиума ВЦИК «В отношении осужденных Казанского, Новицкого, Шеина, Ковшарова приговор Петроградского Революционного Трибунала оставить в силе. В отношении осужденных Плотникова, Огнева, Елачича, Чельцова, Чукова и Богоявленского — заменить высшую меру наказания пятью годами лишения свободы».

Через 2 недели шестерых смертников переведут в другую тюрьму. Четверо будущих мучеников остаются в одиночных камерах Шпалерки...

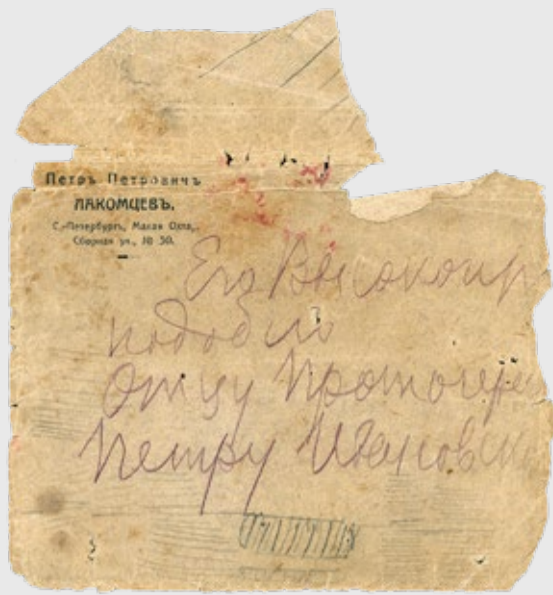
«Я прежде не раз слышал, — пишет в своих «Воспоминаниях «смертника» о пережитом» протоиерей Михаил Чельцов, — что одиночные заключения сами по себе, даже без страха не ныне-завтра быть казненными, доводили немало людей до сумасшествия... теперь я понял всю самую подлинную и ужасную эту правду. Тюремное одиночество легко

Протоиерей Михаил Чельцов

Сергиевский Собор

Конверт письма-завещания митрополита Вениамина

Протоиерей Петр Ивановский

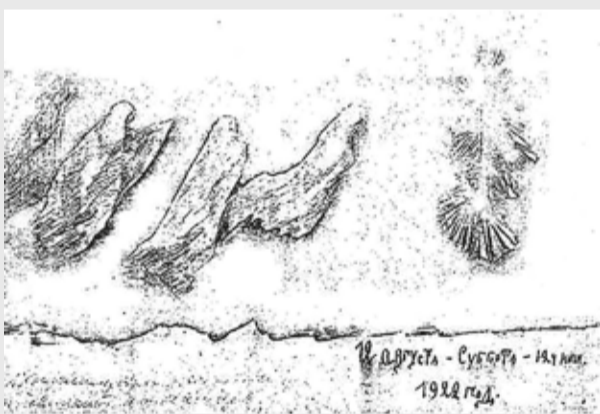

Рисунок протоиерея Николая Чукова

«Пороховой погреб» на Ржевском полигоне, в Ковалевском лесу

и естественно может довести до сумасшествия. Нас, смертников, спасла от этой беды вера в Божий Промысел и молитва».

75 дней проводит митрополит Вениамин в одиночной камере, 40 из них (с 5 июля по 13 августа) в полной изоляции; в одиночестве ожидает исполнения смертного приговора. Все время он отдается молитве «до кровавого пота». О том, насколько

XI. Страдалец до Голгофы

3 августа 1922 года участь четырех мучеников за Христа определена. Смертный приговор оставлен в силе. Официального сообщения о помиловании шестерых смертников еще нет. Митрополит Вениамин, как и его союзники, — в одиночных камерах. Лишь иногда открываются форточки в камерной двери — надзиратели наблюдают за смертниками. Митрополита Вениамина они видят на молитве по 14 часов в сутки; некоторые отказываются от надзора за ним; этим объясняется их частая смена.

Полная изоляция — это запрет любых разговоров, прогулок, и главное — писем; даже дверь камеры открывается только 2 раза в неделю для получения передач. В таких условиях письма являются настоящим чудом. Вот что думает об этом петроградский протоиерей Михаил Чельцов, глазами которого мы видим многие подробности событий тех дней. Отец Михаил, избежавший в 1922 году высшей меры, принял свой мученический венец в 1931 году, а тогда, получив письмо «с воли», вспоминает: «Я считаю день получения этого письма при таких исключительных условиях самого тщательного просмотра даже дна бутылки из-под молока и при недопущении в камеру смертника даже малюсенького клочка всякой бумажки, — одним из самых светлых и радостных дней всей моей жизни». Отец Михаил получил письмо из дома от своих родных, оно воодушевило и поддержало его, дало основание надеяться и, следовательно, силы переносить тяжелые дни в жизни.

26

супруга отца Петра — Мария Николаевна до его возвращения из тюрьмы через несколько месяцев. Так промыслом Божиим письмо сохранится и станет путеводной звездой для всех чад Церкви.

Но это произойдет позже.

А в первые дни августа 1922 года 10 смертников еще ожидают казни. Они знают, что отвезут на полигон, то есть на расстрел, в темное время суток, около полуночи. Они засыпают только под утро.

Ночи в Петербурге летом короткие, и для них это большое благо. Вспоминает протоиерей Михаил Чельцов: «Ложиться я старался позже, и так как рассвет начинался рано, то я спокойно и засыпал: если с вечера оставили на койке, значит утром не расстреляют. Зато с вечера, бывало, прислушиваешься ко всякому гудку мотора, к шагам в коридоре, к звяканью ключами в соседних камерах. Однажды... я уже лег и почти задремал. В камере стемнело. Вдруг слышу звяканье ключа в замке моей, именно моей, камерной двери. Зачем ее отпирают в такой поздний час? Ответ мог быть только один... Я привстал, перекрестился и приготовился идти. На душе было ... совсем спокойно; какая-то решимость овладела мной. Дверь отворилась, но быстро же и захлопнулась, и я услышал только слова: «Извините, мы ошиблись...»

Смертники все более сживаются с мыслью о предстоящей казни и окончательно себя готовят к ней. Вероятно, как и отец Михаил, все читают себе «отходную молитву»: «Дней за 5 до выхода из особаго яруса (т. е. из камер смертников) я заставил себя прочесть «Отходную». Как было тяжело вначале читать себе самому последнее «прости». Слезы капали из глаз, слова не поддавались пониманию. Но потом я увлекся хорошим сердечным содержанием «Отходной» и кончил ее совершенно успокоенным. На второй день вечером меня уже что-то потянуло к этой молитве, и я ее читал с восторгом и упоением...»

Только в понедельник, 14 августа, шести помилованным официально сообщают постановление

сильно действует на надзирателей молитва митрополита Вениамина, свидетельствуют донесения из тюрьмы на Гороховую, 2, в Петроградское ГПУ. Их передают официально осведомленные лица: «Митрополит молится по 14 часов в сутки и производит на надзирателей самое тяжелое впечатление... Они отказываются от несения ими их обязанностей по отношению к нему».

Митрополит Вениамин чудом получает «присылки» и письмо от своего друга и сопастыря настоятеля храма Андрея Критского на Рижском проспекте протоиерея Петра Ивановского.

И поистине великим чудом Божиим является ответное письмо Владыки отцу Петру. Это предсмертное письмо — великое слово архиерея к своей пастве. Это письмо-завещание.

Оно написано химическим карандашом в старой орфографии на двенадцати страницах размером 14×21 см, вложено в конверт, который подписан тем же карандашом:

«Его Высокопреподобію
Отцу Протоіерею
Петру Ивановскому»

Написано письмо после оглашения обвинительного акта, то есть после 29 июня. Это следует из слов Владыки: «Теперь кажется пришлось пережить почти всё: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование этой смерти под якобы народные аплодисменты...»

И, вероятнее всего, ближе к 12 июля. Такой вывод позволяет сделать тот факт, что 12 июля арестован адресат письма — отец Петр Ивановский. Поэтому он не прочитает ответ своего Владыки немедленно.

Опасаясь за жизнь отца Петра и тех людей, которые помогают им в переписке, митрополит Вениамин письмо заканчивает словами «Прошу уничтожить». Но отец Петр арестован. И письмо бережно сохранит

ВЦИК о замене расстрела пятью годами тюрьмы. В тот же день духовным чадам Митрополита, принесшим в тюрьму передачи, сообщают, что «гражданин Казанский, гражданин Шеин, профессор Новицкий и Ковшаров потребованы и отправлены в Москву».

До сего дня не найдены документы, указывающие день, время и место исполнения приговора.

Существует предание, что митрополита Вениамина и его сомучеников перед казнью обрили и одели в лохмотья. Это могло быть сделано для сокрытия факта их казни из опасения возмущений среди православных Петрограда.

Наиболее достоверным фактом является запись в дневнике протоиерея Николая Чукова (будущего митрополита Ленинградского Григория) от 14 августа: «... около 5 часов помощник начальника... приходит в камеру и читает, что по представлению Верховного трибунала Президиум ВЦИК заменил расстрел заключением на 5 лет. Конечно, радость понятна, но сейчас же хотелось узнать, всем ли 10 человекам это заменено, или нет. Вечером, при передаче, справился у надзирательницы: объявлялось ли Новицкому и Митрополиту? Оказывается, что их уже нет с субботы... Где? — записано в дневнике отца Николая. — Тут я вспомнил, что около 11 часов вечера в субботу (12 августа) я слышал, что кого-то выводили из камер наших...»

Это мог быть архимандрит Сергей, его камера на одном этаже с камерой отца Николая. Возможно, в эту же ночь ошибочно открыли дверь в камеру отца Михаила. С ним на одном этаже находился Иоанн Ковшаров.

А протоиерей Николай Чуков в эту ночь делает известный рисунок карандашом на основании бывшего ему видения.

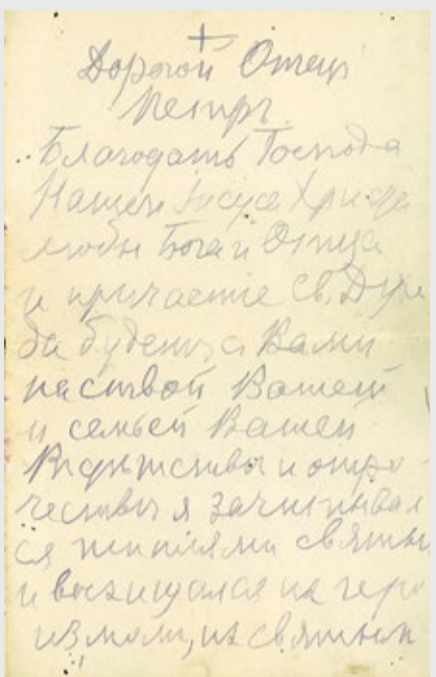
13 августа

Церковное предание передает, что четверо мучеников были расстреляны на Ржевском полигоне на окраине Петрограда, в лесу, примыкающем к Ириновской

27

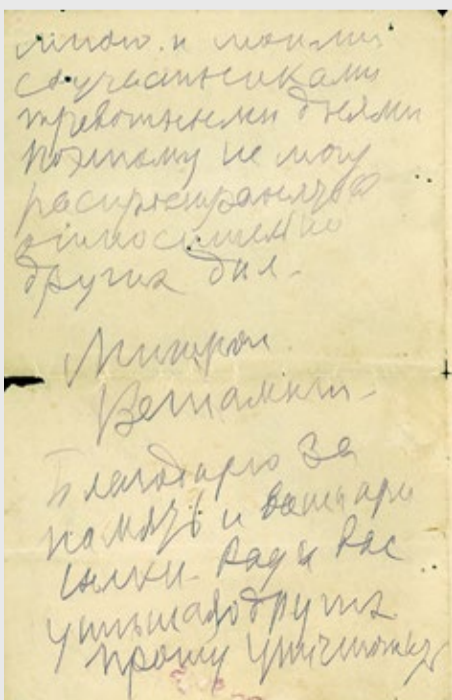
Епископ Гдовский Вениамин, 1910 г.

Первая страница письма-завещания митрополита Вениамина

С. А. Зегзда, профессор, хранитель традиций Александро-Невского братства (1935–2015 гг.)

Последняя страница письма-завещания митрополита Вениамина

железной дороге, и погребены в безвестной общей могиле.

Официального извещения о том, что приговор приведен в исполнение, так и не последует...

В письме из ссылки в декабре 1922 будущий священномученик Иннокентий Тихонов пишет в Петроград своим чадам духовным: «Вот перед мною портрет Архипастыря, по воле которого и от благодатной полноты которого я воспринял власть и благодать Архиерейства. Тихий-тихий, кроткий,

ХII. Письмо

Почитание мучеников положило начало почитанию святых в христианстве. Мученичество за Христа явилось свидетельством реальной победы над смертью. Величайшие святители Церкви называли мученичество самым высоким образом христианского подвижничества, его пределом. Обстоятельства подвигов мучеников были зафиксированы в мученических актах — воспоминаниях очевидцев и протоколах судебных следствий. Такие сведения мы узнали и о Петроградских мучениках, принявших свои венцы 13 августа 1922 года. Уникальным мученическим актом является предсмертное письмо-завещание митрополита Вениамина, сохранившееся до наших дней. В нем Святитель перед лицом смерти являет себя подобным древним святым. Как полторы тысячи лет назад, свидетельствует о Христе главными словами своего завещания: «Страдания достигали своего апогея, но увеличивалось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда хорошо».

В этом послании обитает благодать Святаго Духа, которую удостоился стяжать наш Святитель за то, что пламенно возлюбил Господа Вседержителя. «Только рукой, движимой Духом Святым, могли быть начертаны такие слова, ставшие частью его духовного подвига. Слова, способные изменить сердце читающего, утешить и наполнить неизреченной радостью», — так

28

«Радость, которая даруется Духом Святым, — объясняет Сергей Андреевич Зегзда, — неразрывно связана у христиан с желанием, чтобы эту радость имели все люди. С первых веков христианства известно, что святые мученики, получив особую, неземную благодатную радость, желали, чтобы ее имели все люди, чтобы она умножалась, прилагалась к другим. Это особое благодатное состояние святых мучеников вдохновенно выразил митрополит Вениамин. Он вновь засвидетельствовал существование такого состояния. Причем в тот период жизни Церкви, когда это стало крайне необходимо». Когда Русская Церковь встала на путь мученичества.

Почему митрополит Вениамин в ожидании расстрела был радостен и покоен? Вот ответ на этот вопрос:

«Враг диавол, со своим воинством бесовским, имел вооружиться на Церковь Христову, по допущению Божью и для испытания всех верующих страшными и разнообразными гонениями и мучениями. И потому нужно было утешение величайшее, всемогущее и от лица Всемогущего. Вот Господь Иисус Христос с Богом Отцом и противопоставил этим ужасным скорбям всемогущего и всеблагого Утешителя, Духа Святаго. И Он утешал их всегда и содействовал к мужественному и радостному перенесению всех мучений» — этот ответ об источнике радостных страданий мучеников дал в... 1907 году молитвенник Русской Земли Святой Праведный Иоанн Кронштадтский, прозревая скорые испытания.

«За судьбу Церкви Божьей я не боюсь, — уверенно и спокойно продолжает Митрополит в своем предсмертном письме. — Веры надо больше, больше иметь ее нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

...Надо себя не жалеть ради Церкви, а не Церковь жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди ради политических убеждений жертвуют всем.

...Нам ли христианам, да еще иереям не проявить надобного мужества даже до смерти».

но величественный в сознании кроткой, но неотъемлемой могущественной властью своей, стоит святитель Божий, опершись на посох и смотрит через очки на меня... Где-то он теперь? Что с ним? Ведь мы не знаем, как и молиться за него. Вот, друзья мои, новый подвигоположник, страдалец до Голгофы. Вот где учиться, где почерпать силы на христианский подвиг. Его молитвами да сохранит вас всех Господь в благодатном общении со своею Церковью».

писал современный нам подвижник благочестия и хранитель традиций Александро-Невского Братства профессор Сергей Андреевич Зегзда (1935–2015). Он оставил самый глубокий духовный портрет Священномученика Вениамина в своем последнем труде «Страдалец до Голгофы».

Уже в первых строках своего письма Священномученик раскрывает то, что можно узреть во всем его земном пути: он с детства мечтал пережить то, что переживали мученики первых веков. Он даже «жалел свою душу, что времена не те...»

Но времена переменились. И Всемилостивый Господь исполняет во благих сокровенное желание отрока Василия — будущего митрополита Вениамина. Ему «открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих».

«Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествуем и утешением от Бога — поистине бесценное свидетельство Священномученика: «Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек, избыточествуя утешением, не чувствует самых тяжелых страданий. Полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы приложить (т.е. приумножить) то состояние, в каком находится счастливый страдалец...»

Великое множество архипастырей, пастырей и мирян подобно Священномученику Вениамину смирили себя тогда до конца и забыли свои достоинства и дали место Божией благодати. Укрепляемые этой благодатью, они проявили мужество даже до смерти. Так жизнь во Христе не замерла, не угасла, но продолжилась.

Воспринял заветы своего Владыки и протоиерей Петр Ивановский. Летом 1923 года он отправляется в первую ссылку, в Зырянский край. Потом следуют еще аресты, изгнания и скитания до конца его земного пути. Вместе с ним лишения переносит и его семья; жена и дочь, которая на протяжении всей своей жизни, невзирая на опасности, будет хранить и письмо митрополита Вениамина, и память о нем. Господь посылает им в утешение и укрепление союзниками новых великих святых: священномученика митрополита Кирилла (Смирнова), исповедника святителя Афанасия (Сахарова) и многих подвижников благочестия, рассеянных по лагерям и ссылкам. И смиренно несущих свой крест.

«Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда хорошо». Церкви Христовой в это смутное время испытаний крайне необходимо, чтобы эта истина была ярко засвидетельствована. И свидетелем становится архипастырь, который в очах всех является Божиим избранником.

Чада церковные получили то, в чем нуждались, — зримое свидетельство, письмо своего архипастыря, которое было подобно мученическим актам первых христиан. С него могли снимать копии, тайно хранить и распространять.

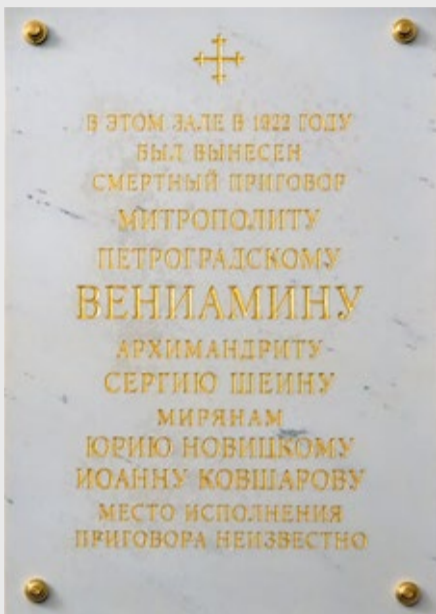
Текст письма, иногда с небольшими опечатками, мгновенно распространяется по Петрограду и дальше; пересекает границу с Европой, доходит и до отшельников Афона.

Копии письма митрополита Вениамина особенно бережно хранились в кругу тех православных, которые близко знали и любили его. О письме они постоянно вспоминали в своих сокровенных беседах. Оно

29

Символический кенотаф в Александро-Невской лавре

Памятная доска в Большом зале филармонии установлена в день 100-летия мученической кончины

было для них путеводной звездой. Характерным примером является беседа со своей паствой известного московского протоиерея, настоятеля храма Святителя Николая в Клённых на Маросейке, будущего священномученика Сергия Мечёва:

«Один из наших современников рассказывает, — говорил отец Сергей, — что в простоте сердца он думал раньше, что те времена, когда Господь требовал от верующих готовности умереть за Него, прошли... Но вот и ему Господь судил соприкоснуться с этим моментом готовности умереть за веру, и испытав это, он свидетельствует, что трудно только переступить границу и предать себя всецело воле Божией, но когда «рубикон перейден», тогда нет меры утешения».

Потрясающий переворот совершался в сердцах молодых людей, когда они получали рукописные копии письма-завещания митрополита Вениамина. Такими распространителями текста письма, проповедницами, пламенно любящими Митрополита, были сестры тайной монашеской общины на Конной улице. Об их жизни и служении ближним рассказала в своем романе «Лебединая песнь» Ирина Владимировна Головкина-Римская-Корсакова.

А после войны секретный осведомитель сообщал «куда следует», что «бывшие поклонники митрополита Вениамина... концентрируются ныне... вокруг Академического храма». Ленинградская Духовная Академия была любимым детищем митрополита Григория — отца Николая Чукова, принявшего постриг в 1942 году с именем Григорий. Он всегда безбоязненно свидетельствовал свою любовь к убиенному митрополиту Вениамину.

Петербуржцы никогда не забывали своего Владыку. Еще в советское время установили символический деревянный крест с его именем на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

Вскоре его сменил гранитный кенотаф — крест, увенчанный терновым венцом. А 4 апреля 1992 года Архиерейский Собор Русской Православной

Церкви причислил Петроградского митрополита Вениамина и его соучеников к лику святых. Вместе с ним сонм новомучеников Русской Церкви возглавил митрополит Киевский Владимир, первый убиенный иерарх и преподобномученицы Великая княгиня Елизавета и инокиня Варвара. Этим Деянием установлено празднование Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января по старому стилю. В него включено и имя Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси.

Первое празднование памяти Священномученика митрополита Вениамина и пострадавших с ним — 13 августа 1992 года — пришлось на 70-ю годовщину их гибели.

Господь принял митрополита Вениамина в свои обители и ввел в сонм любимейших своих чад — мучеников, Русская Церковь прославила его. Настало время и правдивой человеческой истории сказать мужественному и кроткому Петроградскому митрополиту Похвальное слово. 13 августа 2022 года, в день столетия мученической кончины митрополита Вениамина и пострадавших с ним, в здании несправедного суда — Большом зале Петербургской филармонии прозвучала оратория «Страдалец до Голгофы», усердием петербуржцев установлена мраморная доска. Памятный вечер возглавил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Православный Петербург, приняв эстафету от скорбного Петрограда, чаёт обновления славы своего святого Митрополита. С новой силой звучит призыв Священномученика ко всем жаждущим жизни вечной — всецело предаться воле Божией. И его свидетельство: когда это совершится, тогда христианин при любых страданиях за веру во Христа будет полон радости и внутреннего покоя.

Так было в первые века христианства.

Так было и в 1922 году.

Так будет и всегда.

Ибо по слову апостола Павла: Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13,8)

Подсудимые на Петроградском процессе. Фотосъемка в день вынесения приговора 5 июля 1922 г. Большой зал филармонии, Петроград

Подсудимые на Петроградском процессе. Фотосъемка в день вынесения приговора 5 июля 1922 г. Большой зал филармонии, Петроград

1-й ряд, справа налево: 1 — протоиерей Михаил Чельцов, настоятель Троицкого Измайловского собора (1870–1931, расстрелян 7 января) СЯЩЕННОМУЧЕНИК,

2 — протоиерей Леонид Богоявленский, настоятель Исаакиевского собора (1872–1937, расстрелян 23 ноября),

3 — Абдалов, персидскоподданный, чистильщик обуви, оправдан (других сведений нет),

4 — епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников) (1872–1937, расстрелян 16 августа),

5 — митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) (1873–1922, расстрелян 13 августа) СЯЩЕННОМУЧЕНИК,

6 — протоиерей Николай Чуков, настоятель Казанского собора, будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (1870–1955),

7 — Юрий Петрович Новицкий, профессор Университета, председатель правления Общества православных приходов (1882–1922, расстрелян 13 августа) МУЧЕНИК.

2-й ряд, справа налево: 1 — Николай Александрович Елачич, преподаватель военно-автомобильной школы, секретарь правления Общества православных приходов (1872–1938, расстрелян 12 марта),

2 — Иван Михайлович Ковшаров, юрисконсульт Александро-Невской Лавры (1876–1922, расстрелян 13 августа) МУЧЕНИК,

4 — *предположительно* — протоиерей Михаил Союзов, настоятель Князь-Владимирского собора (1869–1922, скончался 19 октября в тюремной больнице) СЯЩЕННОИСПОВЕДНИК

5 — архимандрит Сергей Шейн, настоятель церкви подворья Троице-Сергиевой Лавры (1870–1922, расстрелян 13 августа) ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК,

6 — Лев Николаевич Парийский, преподаватель, помощник секретаря митрополита Вениамина (1892–1972),

7 — Дмитрий Фролович Огнев, юрист, бывший профессор Военно-Юридической академии, член правления Общества православных приходов (1863 — неизвестно),

8 — Владимир Николаевич Бенешевич, доктор церковного права, профессор-византист (1874–1938, расстрелян 27 января),

10 — иерей Сергей Зенкевич, священник Исаакиевского собора, член правления Общества православных приходов, будущий епископ Стефан (1885 — после 1934 года расстрелян).

3-й ряд, справа налево: 3 — *предположительно* — протоиерей Василий Акимов, настоятель Покровской Коломенской церкви (1864–1935, скончался в ссылке),

5 — протоиерей Анатолий Толстопятов, настоятель консерваторской церкви Рождества Богородицы, будущий епископ Александр (1879–1945),

6 — иерей Иоанн Орнатский, священник в Иоанновском монастыре, редактор журнала «Кронштадтский пастырь» (1871–1937, погиб в заключении 20 апреля),

9 — *предположительно* — Павел Михайлович Чельцов, (1905–1943, погиб на фронте),

10 — Сергей Михайлович Ляпунов, композитор, профессор Консерватории (1859–1924, скончался 8 ноября в Париже)

Хроника Петроградской Голгофы | 1922

Составлена Л. А. Ивановской по страницам произведений:

1. Неизвестный автор «Черная книга», составил А. А. Валентинов, Париж, 1925 г.

2. Неизвестный автор «Дело» Митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.) Предисловие, примечания И. Я. Авдиев, Москва, 1991 г.

3. Протоиерей М. Чельцов «Воспоминания смертника о пережитом», Вестник РХД, Париж, 1992 г.

4. Митрополит Григорий (Чуков) «Дневники 1918–1922 годов», Санкт-Петербургские епархиальные ведомости, 2004 г.

5. Н. М. Коняев «Священномученик Вениамин митрополит Петроградский», Москва, 2005 г.

6. А. К. Галкин, А. А. Бовкало «Избранник Божий и народа», Санкт-Петербург, 2006 г.

7. С. А. Зегжда «Страдалец до Голгофы. Священномученик Вениамин митрополит Петроградский», издательство «Новости МИРА» 2015 г.

8. М. В. Шкаровский «Сто лет Александро-Невского Братства: история и современность», Санкт-Петербург, 2018 г.

9. Архимандрит Дамаскин Орловский «Житие Священномученика Вениамина Казанского», Оптина Пустынь, 2019 г.

Сообщество ревнителей памяти
священномученика Вениамина

ББК 86.372.24-3
И 18

ISBN 978-5-6050032-7-4
© Ивановская Л.А., текст, оформление 2023

Подписано в печать 01.08.2023
тираж 1000 экз, заказ №05721
Отпечатано в типографии «Эталон»
Санкт-Петербург

При поддержке:

Дорожная
Строительная
Компания

Видеоматериалы:

Слово Святейшего
Патриарха Кирилла
о свщмч Вениамине
13 августа 2022

«Страдалец
до Голгофы»,
фрагмент
оратории

Документальный цикл
«Хроника Петроград-
ской Голгофы»